

Виталий Каплан

ДЕТЯМ ДО ШЕСТНАДЦАТИ

Детям до шестнадцати

Виталий Каплан

Детям до шестнадцати

«Автор»

2013

Каплан В. М.

Детям до шестнадцати / В. М. Каплан — «Автор»,
2013 — (Детям до шестнадцати)

Этим романом открывается цикл в жанре городской фэнтези. Здесь есть волшебство, но всё происходит здесь и сейчас. Москва начала 10-х годов нашего века, современные подростки, возрастные и социальные проблемы. Семиклассник Саня Лаптев приезжает в Москву, куда переводят служить его отца-военного, попадает в новую школу, у него завязываются непростые отношения со сверстниками, он попадает в беду — но есть кому его выручить. А далее он и сам выручает других детей, вместе с новыми друзьями, попутно открывая для себя всю сложность, противоречивость и непредсказуемость жизни. Текст представлен в авторской редакции.

© Каплан В. М., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая. Охотник на мутантов	5
1.	5
2.	12
3.	18
4.	25
5.	31
6.	38
7.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виталий Каплан

Детям до шестнадцати

Часть первая. Охотник на мутантов

1.

Школа оказалась ничего так, Саня ожидал худшего. Не как в Пензе, конечно, но по опыту он знал: готовым нужно быть ко всему.

Какое же всё-таки обманчивое время – март. Вертелись в голове детские стихи про начало весны: снег теперь уже не тот... на озёрах треснул лёд. Ну как же! Тот, самый настоящий тот! Крутится в бледно-коричневом небе, вьётся петлями, со свистом забивается в глаза и уши. Уши, впрочем, можно было и спасти, развязав тесёмки на шапке-ушанке, но Саня на такое пойти не мог. Не в первом же классе!

В Краснодаре, наверное, сейчас и впрямь как у Маршака – может, там и медведь подснежники топчет... правда, за все два года не получилось увидеть ни того, ни другого. Хотя нет, медведь точно был! В зоопарке.

Саня вышел с большим запасом по времени, чтобы оказаться на месте никак не позже восьми.

– Раз уж ты пошёл на принцип, – внушала мама, – раз уж ты солидный самостоятельный человек, то, по крайней мере, не позорь меня. Антонине Алексеевне я сказала, что будешь как штык, что ей не придётся тебя ждать.

– А зачем я ей вообще? – Саня привычно закреплялся на занятых позициях. – Она же и так знает, что будет новый ученик, все мои бумажки ты ещё в пятницу отнесла. Почему я не могу просто прийти туда, в этот самый 7-б?

– Потому что не надо задавать глупых вопросов, – отрезала мама. – Если Антонина Алексеевна сказала, значит, у них так принято. Со своим уставом в чужой монастырь, знаешь ли, не суются!

– Ну, мы-то уже давно спецы по чужим монастырям, – ему хотелось оставить за собой последнее слово. – Вся жизнь такая... это уже какая школа получается? Вроде пятая, да? Если ещё и Новгород... хотя там меньше месяца было, это как попугайское крылышко в мультике. Крылышко можно не считать.

И только мама собралась ему достойно ответить – заревел Мишка. Причём по оттенкам рёва было понятно – не из вредности. И впрямь оказалась трагедия, своими же руками угробил свежеподаренный красно-синий грузовик с моторчиком. Решил сделать полную сборку-разборку. Мама, конечно, бросилась внушать и утешать, и на том диспут о школах завершился.

Если честно, не чувствовал он себя таким уж героем-суперменом. Всё-таки раньше ему не приходилось идти в новую школу одному – даже в Краснодаре, когда все мамини мысли были направлены на полуторогодовалого Мишку... А сейчас он поднимется по ступенькам, войдёт, и... И что? На него уставятся десятки глаз: кто такой? Зачем здесь? И эта самая Антонина Алексеевна... её же отыскать придётся. «А что такого? Квест как квест, – ещё вчера просёк его тайные мучения папа. – Не хуже, чем в твоих компьютерных игрушках. Только тут, в реале, не стреляют... разве что жёваной промокашкой». Отец, само собой, отстал от жизни. Саня вообще не был уверен, что большинство его сверстников знают даже это слово, «промокашка». Но у промокашки множество современных заменителей...

Впрочем, а какие другие варианты? Папа в шесть утра поднялся и «отбыл к месту несения службы». Мама одного Мишку не оставит, проходили это уже, кончиться может чем угодно – и экспериментами с розетками, и пуговицей в нос, и вывернутыми на полную мощность кранами в ванной. С детским садом пока не срослось, не хватало каких-то медицинских бумажек, из-за чего маме предстояло множество утомительных хождений в поликлинику... и можно догадаться с одного раза, кому в это время сидеть с мелким. Так что на «место прохождения учёбы» – вот только так, самому, без спасательного круга.

За всеми этими мыслями Саня и не заметил, как добрёл до школы. Здание типовое, «самолётиком», окрашено в бледно-лимонный цвет, окружено высоким железным забором, в котором открыта узенькая калиточка. Наверняка московские штучки. Тут же террористы бродят стадами, думают, кого бы подвзорвать, а забор их, конечно, остановит...

Внутри всё оказалось вполне обычно. Тепло. Даже – после стылой улицы – жарко. Ещё не толпы, но уже довольнолюдно. И справа, и слева – раздевалки. Какая-то из них взрослая, какая-то – малышовая. Спрашивать незачем, и так видно, кто куда заныривает. Напротив входной двери – пост охранника, то есть обычная парта, за которой восседает толстый дядька в чёрной форме с какими-то левыми нашивками. Дядьке на вид за пятьдесят, щёки у него толстые, волосы растут только над ушами, нос крючком, и вдобавок ко всему – круглые очки. Натуральный филин. Прямо в зоопарк сдавай. Хотя зачем сдавать? Любая школа – это и есть зоопарк, со своими хищниками, травоядными, ядовитыми змеями, пёстрыми птицами, медлительными слонами и юркими хорьками. Вся разница с настоящим – решётки нет.

Саня, делая вид, будто всё тут знает и вообще, пошёл в левую раздевалку, выбрал свободный крючок у стенки, повесил куртку, сменил зимние ботинки на предписанные здесь тапочки. И уже на выходе обнаружил, что филин всё-таки – птица хищная, причём питающаяся мелкими грызунами.

Охранник вылез из-за своего стола и сейчас нависал над каким-то напуганным пацанёнком лет девяти на вид. Из охранничьей пасти извергался медвежий рык:

– Степаненко, это что за дела, я тебя спрашиваю! Тебе кто разрешал с продлёнки линять? И ещё смотрит невинно, паршивец! Ты где должен был быть? В двадцать шестом кабинете, со своей группой! До восемнадцати ноль-ноль! А ты в шестнадцать двадцать две сдёрнул! Главное, на минуточку пришлось отлучиться, и нате вам! И я ещё получаюсь виноватым! Ага, сейчас! Ты у меня, Степаненко, получаешься главный преступник и ответишь по полной программе! Я на тебя докладную завучу по режиму напишу! Мы тебя, Степаненко, на учёт в милицию поставим, каждый день будешь ходить отмечаться и по мозгам получать! Я с твоими родителями разъяснительную работу проведу, какой кактус у них растёт. Я им по-простому растолкую, как воспитывать надо! Ты что, думал, тебе всё так с рук сойдёт и ты сейчас в свой третий «а» отправишься? Нет, Степаненко, ты у меня сейчас к завучу по режиму отправишься, а то и напрямиком к директору!

Несчастный Степаненко стоял перед охранником, опустив голову, не пытался ничего сказать в свою защиту, и по его виду было совершенно понятно, что ещё несколько секунд – и он разревётся. Охранник, которого Саня мысленно разжаловал из филинов в крысы, возвышался над своей жертвой и раздувался от чувства собственной важности.

Но слёз не случилось. Охранник вдруг на мгновение замер, точно прислушиваясь к чему-то внутри себя, и тут же, начисто забыв о провинившемся третьекласснике, опрометью бросился по направлению к лестнице. Мелкий, не будь дурак, воспользовался моментом и рванул в противоположную сторону. Причём, похоже, никто, кроме Сани, не обратил на всё это особого внимания. Сновали туда-сюда дети, между ними курсировали взрослые – кто суетливо, а кто с достоинством, точно крейсер на рейде.

Первое впечатление от новой школы оказалось мраченьким. В Краснодаре тоже был охранник, Иван Дмитриевич, но тот никогда не орал и не ругался. Любил рассказывать ребя-

там про свои подвиги в Афгане, а если и не пускал кого, то всегда с широкой улыбкой: я бы лично не против, но всё должно быть по уставу! На месте несчастного Степаненко Саня бы непременно пожаловался родителям. Правда, тогда пришлось бы и признаваться, куда слинял в шестнадцать двадцать две...

Он встрепнулся. Уже пять минут девятого! Давно пора докладываться завучихе Антонине Алексеевне. Отловив первого попавшегося взрослого – судя по телосложению, явно физкультурника, Саня вежливо поинтересовался:

– Здравствуйте! Скажите пожалуйста, а где здесь учительская? Я, понимаете ли, новенький...

Уж что-что, а элементарными навыками дипломатии он владел.

Антонина Алексеевна оказалась низенькой толстой тетушкой, и Саня как-то сразу вдруг понял, что она не вредная – хотя по виду стандартная училка, как из рекламы по телеку: волосы собраны в пучок, строгого серого оттенка юбка чуть ли не до пола, в ушах маленькие, едва заметные серёжки. Но смотрела она вполне доброжелательно.

– Значит, ты и есть Саша Лаптев? – голос её был низким, и Саня подумал, что завуч, наверное, курит. – Очень приятно. Один пришёл, без мамы? Что ж, это хороший признак, самостоятельный человек, значит. Вы давно в Москве?

– Пять дней уже, папу внезапно сюда перевели, – объяснил Саня.

– Папа у тебя военный? – поинтересовалась она.

– Да, он майор. Войска особого назначения, только он не рассказывает всякие подробности.

– Ну, и я тоже военные секреты выпытывать не стану, – улыбнулась завуч. – Ладно, давай ближе к делу. Документы твои из прежней школы я посмотрела, успеваемость вроде неплохая, хотя троек что-то многовато, а ведь ты не производишь впечатления глупого мальчика. Небось, лень-матушка. Угадала? Ну, дело это поправимое. Запомни, Саша, – голос её стал суше, – у нас не простая школа, а гимназия, это не просто слово такое, это значит, что уровень обучения у нас высокий, после нашей гимназии ребята поступают в очень, очень престижные вузы. Но на школьников это налагает серьёзную ответственность. Тут Москва, Саша, тут придётся налегать на учёбу. Тем более, ты из-за переезда больше недели пропустил... ну ничего, походишь на дополнительные по русскому и математике, я это организую. А сейчас пойдём в твой новый класс, скоро уже начнётся урок. Ты не волнуйся, ребята в 7-б хорошие, дружные, ты, как мне кажется, легко вольёшься в коллектив.

И пока они шли по коридору, пока поднимались по лестнице на четвёртый этаж, завуч всё расхваливала Сане эту школу... точнее, гимназию. Расхваливала так, будто он был не просто семиклассник Саня, а по меньшей мере директор департамента образования Александр Михайлович.

На вид здесь действительно было культурнее, чем в краснодарской школе. Чувствовался недавний ремонт, и вообще всякая уютность – цветы в горшках на подоконниках, вырезанные из блестящей фольги снежинки на стенах... наверное, так и не сняли после новогодних огоньков.

Когда они подошли к двери 42-го кабинета, оттуда доносился женский крик на высоких тонах:

– Запомните, ещё раз увижу перед уроком разрисованную доску – и после уроков дежурные будут мыть всю школу! Ваша обязанность всё подготовить к занятиям! Класс проветрить! Доску протереть, и не так, как Алёхина, а влажной тряпкой! Чтобы я больше никаких художеств тут не видела, здесь вам не ИЗО, а русский язык! И я русским языком вам напоминаю о порядке, не то придётся говорить на другом языке!

После крошечной паузы класс заржал, и Саня догадался, что какой-то остряк высказал предположение, каким будет этот другой язык. Сейчас училка включится на полную мощность, понял он.

Но не включилась, потому что Антонина Алексеевна распахнула дверь кабинета.

– Здравствуйте, Елена Ивановна, здравствуйте, дети, – голос её был перенасыщен дружелюбием. – Садитесь. У вас тут, я гляжу, веселье? Это замечательно, что в 7-б собрались такие весёлые люди, потому что, напоминаю вам, на весенних каникулах у нас пройдёт традиционная школьная юморина, и теперь я спокойна: ваш класс примет в ней активное участие. Елена Ивановна, вы с ребятами потом определите, кто от класса будет выступать, и представьте мне списочек. А вообще, – вспомнила она о Сане, – я к вам заглянула по другому поводу. Вот, познакомьтесь, это Саша Лаптев, он будет учиться в вашем классе. Надеюсь, вы с ним подружитесь. Ну, удачного дня!

И завуч величаво скрылась за дверью. А Саня остался наедине с двадцатью пятью парами глаз. «Немая сцена», всплыло в голове. Он даже представил, как это могло бы смотреться на экране: класс бесится, носится, но постепенно замирает, словно остановилось время. Слишком долго тянуть паузу не надо, секунд пятнадцать, не больше, а потом изображение снова движется, только уже не плавно, а рывком, чтобы зритель ещё не успел понять... вот так будет круто!

Эта мысль помогла ему выдержать сверление глазами. Которое, впрочем, продолжалось совсем недолго – Елена Ивановна, его новый учитель русского и литературы, а заодно и классный руководитель, велела ему сесть за третью парту в ряду у двери, где одиноко обитала неприятного вида пухлая девчонка. Какая-то мрачная, серые волосы до плеч, школьная форма испачкана мелом, глаза выпучены. Но прямо жаба! Однако выбирать не приходилось, Саня понимал, что его мнение тут никто спрашивать не будет. Жаба? Ну ладно, начнём с жабы, а потом, может, удастся к кому-то из пацанов пересесть.

Зато русичка Елена Ивановна, наоборот, внешне напоминала цаплю. Высокая, худая, с длинными светлыми волосами, собранными в толстую косу. Коса – ну прямо канат в спортзале. Какой-нибудь лилипут вполне мог бы по ней карабкаться... к вершинам науки. Саня едва удержался от смешка.

А вообще было не до смеха – он чуть ли не кожей ощущал, как его протыкают взглядами. Можно представить, что новые одноклассники стреляют по нему из лазерных пушек... в их солнечной системе появился корабль чужих, и военные спутники приведены в боевую готовность. Что ж, как говорит папа, на каждый газ у нас найдётся противогаз. Включить броню... и лучше зеркальную, чтобы их лучи по ним же и врезали.

Думать об этом было гораздо интереснее, чем вникать в отличия причастий от деепричастий. Всякие там «звения и подпрыгивая» можно оставить на потом, а пока лучше приглядеться к седьмому «б». Сейчас ему предоставлялась уникальная возможность – новенькому, знал он по прежнему опыту, в первый же день вряд ли начнут делать замечания «не вертись», «не отвлекайся», «не считай ворон». Интересно, а как здесь называют эту Елену Ивановну? Неужели он угадал насчёт цапли? Ладно, продолжим изучать наш зоопарк. Цапля есть, жаба, соседка по парте, есть, а вот кто ещё? Высокий худой пацан слева – будем считать его жирафом. Коренастый блондинчик рядом с ним – ну это точно бобёр. Девчонка на первой парте, с высокой причёской, напоминает рысь, а её чернявая очкастая соседка – пусть будет кобра.

В общем, всякой твари тут было если не по паре, то по одному экземпляру точно. Не обошлось без волков и медведей, тигр тоже присутствовал, на задней парте, заметно крупнее остальных. Саня представил, как звенит звонок – и все эти детишки превращаются в соответствующих зверей, и... и что дальше? Пожирают друг друга? Хотя вряд ли, за шесть с половиной лет они тут между собой притёрлись. Но видеоряд получился бы прикольный.

Главное, чтобы медленно превращались, и каждый со своей скоростью. Вот как в настоящем кино делаются такие эффекты?

И тут по ушам ударил звонок – прямо как в фильме, который он только что себе мысленно прокрутил. С той лишь разницей, что никто ни в кого не превратился. Саня взял рюкзак и потащился вслед за всеми – после русского в расписании значилась физика.

На перемене его обступили самые любопытные и принялись допрашивать. Всё как всегда – за какую команду болеешь, какую музыку слушаешь, в какие игры играешь. Ну а что бы не ответить? Секретов от общества у него нет. Ну или почти нет. Про видео пока рассказывать не стоило, не заслужили ещё.

Похоже, результат семибэшников вполне удовлетворил. Своим они, понятное дело, его не сочли, но и прикалываться не стали. Пока! – напомнил себе Саня. В Пензе поначалу тоже всё было нормально.

Тут, конечно, столица, цивилизация. Не каждый второй гопник. А каждый какой? Если всего лишь каждый десятый, то жить можно. Наверное, подраться придётся и здесь, без этого никак. Но вряд ли прямо сегодня.

На физике он продолжил развлекаться игрой в зоопарк, но уже осторожнее. Седенькая, худенькая, похожая на мышку училка только в первую секунду казалась ему старушкой, про каких мама говорит «божий одуванчик». Нет, в этой звенел стальной нерв, эта явно может разложить на атомы и сказать, что так и было.

Очень скоро Саня понял, что главное её оружие – не угрозы поставить двойку или записать в электронный дневник замечание. Язык! Острый и ядовитый, как змеиное жало! Как анчар, про который учили стихи в прошлом году!

– А сейчас на сцену вызывается почтенная леди, Юлия Белецкая, – делала физичка приглашающий жест. – Юленька так усердно ковырялась в своём телефоне, что наверняка уже вычитала там всё о законе рычага. Поведайте же городу и миру, что гласит этот древний закон?

Пышнобровая Белецкая, которую Саня записал в черно-бурые лисы, напряжённо морщила лоб.

– Закон рычага... ну это значит, что плечо, которое больше, – выдавливала она из себя, – получается что оно меньше...

– Вот! – физичка вздымала палец в потолок. – Новое слово в науке! Великое в малом, и что больше – то на самом деле и меньше. Но верно и обратное, Юля? Знаете ли, – меняя тон, обращалась она к семибэшникам, – в космологии, то есть в науке о мире как о едином целом, есть такая гипотеза, что каждая элементарная частица в нашей вселенной – это на самом деле тоже огромная вселенная. А наша вселенная – тоже элементарная частица, и очень может быть, что внутри как раз той вселенной, которая кажется нам каким-нибудь банальным электроном или протоном. Странно звучит, да? – обращалась она не то к седьмому «б», не то к бледнеющей у доски Белецкой. – И вот поэтому, Юля, именно поэтому – в журнал идёт волшебная точка. Которая почти как в сказке, в полночь превратится в тыкву... ну, не в полночь, а в пятницу, и не в тыкву, а в двойку. Дополнительные, напоминаю, по средам после половины четвёртого. Кстати, касается это не только Белецкой...

Саня даже про игру в зоопарк забыл. Очень уж ему понравилась гипотеза про вселенные, которые вложены друг в друга, и каждая думает: «я большая, а ты маленькая». И обе и правы, и неправы. Физичка тоже понравилась, хотя попадаться ей на зуб явно не следовало. Придётся всё же почитать про эти плечи рычагов.

После физики следовало чинно спуститься по лестнице в столовую. Чинно, впрочем, не получилось и получиться не могло. Орда семибэшников летела вниз, издавая боевые вопли, услышав которые, в страхе бежали бы всяческие псы-рыцари, гунны и орки.

Впрочем, на лестнице водился кое-кто опаснее орков. Саня, мчавшийся вслед за одноклассниками, вдруг обнаружил странную помеху. Ну примерно как зацепиться штаниной о забор. Только сейчас это был не забор, а посторонняя нога, загородившая ему путь. А посторонняя рука придержала его за рюкзак.

– Оба-на! У мелких пополнение! – раздался над ухом голос.

Обладатель голоса производил впечатление. Огромный, толстый, лицо похоже на непропечённый блин, глаза колючие, а на нижней губе болячка. Под губой – несколько волосков, зародыш бороды. Сразу видно – старшеклассник.

Ну вот, начинается! Саня даже плечами передёрнул с досады. Будь он терминатором, перешёл бы сейчас в боевой режим, и... Но не время мечтать, нужно, как сказал бы папа, «действовать здесь и сейчас». Правда, действовать пока рано, нужно понять, что этому жирному хряку нужно.

А между прочим, одноклассники не все усвистали вниз, в столовую. Человек пять остановилось на площадке и смотрят бесплатный концерт. Заступаться, ясное дело, не будут – не факт, что и за своего бы заступились, а он, Саня, им пока чужой.

– Тебя как звать, мелкий? – старшеклассник продолжил допрос.

– Ну, Саня, – ответил Саня, дипломатично умолчав о фамилии.

– А ты по жизни кто, Саня? – проникновенно глядя ему в глаза, поинтересовался неожиданный собеседник.

Саня даже как-то успокоился. Ну всё как всегда. Дальше он спросит, с какого района, почему такой дерзкий, потом захочет «фанеру» проверить. Что ж, попробуем иначе. Заготовки имеются.

– Я по жизни охотник на мутантов, – честно сообщил он. – Знаешь, как нормального чела от мутанта отличить? Не знаешь? А что ты вообще по жизни знаешь, пацан? Мутанты, они могут быть очень похожими на нормальных, но от них особое излучение идёт. А мы, охотники, его умеем чувствовать, у нас внутри особый локатор есть. А как мутанта определим, так и валим. Не обязательно даже из дробовика или АКМ, есть способы получше. Вот смотри! – Саня слегка присел, отчего ладонь старшеклассника соскочила с его рюкзака, потом повернулся полуоборотом на одной ноге и выставил обе свои ладони перед лицом противника. – Так вот делаешь руками, потом включаешь внутренний излучатель, по команде эр-108, и на мутанта идёт поток дельта-частиц. Через два дня ему становится плохо, через неделю он не может двигаться, а через месяц дохнет и пахнет. Слышь, пацан, а ты ведь тоже фонишь, и ещё как!

Старшеклассник озадаченно замер. Где-то там, под коротко стриженной головой, бешено пульсировали мозги, но толку-то? Парень, видать, совсем тупой, на что и был расчёт. «Разрыв шаблона», как объяснял папа. Такие привыкли действовать по одной и той же программе, а быстро переключаться не умеют.

– Ну что, вопросы есть? Вопросов нет! – заключил Саня и дёрнул по лестнице вниз. Конечно, жирный хряк мог сейчас очнуться и броситься на него. Такого даже с ноги не пробыёшь, он ведь, если приглядеться, весьма и весьма накачанный. Но раз уж одноклассники смотрят, то лучше по шее получить, чем покорно отвечать на вопросы гопницкой анкеты.

Сработало! Хряк за ним не погнался, не врезал между лопаток, а так и завис между третьим и вторым этажами.

Уже внизу, в столовой, Саню вновь обступили одноклассники, но теперь совсем иначе, чем на первой перемене. Видно было, что загрузил он не только хряка-старшеклассника, но и их.

– Вау! Ну ты крут! – высказался высокий черноволосый пацан с плетеными фенечками на обеих руках. – Ты это вот так сразу, на ходу скреативил?

– Да нет, – признался Саня, – просто применил одну заготовочку. Могло получиться, могло не получиться. Ну вот получилось.

– Получилось, – кивнул пацан. – Только ты, Санёк, теперь осторожнее ходи. Это знаешь кто был? Это же Боров! Ну, Димон Боровиков из девятого «б». Его даже парни из одиннадцатых классов боятся, он в драке бешеный, его даже каратист не пробьёт! Сам видел, какая туша!

– Ага, – согласился Саня. – Сто кило ветчины!

– Сто двадцать, – уточнил пацан. – Но ты учти, он злопамятный. И у него друзья есть на районе, совсем взрослые уже. Так что ты, короче, попал. Уж лучше б дал ему поиздеваться, он бы потом о тебе и не вспомнил.

– Ничего, – Саня изобразил невозмутимость, – и не таких китов гарпунили!

Очень ему нравилось это папино выражение, хотя китов вообще-то было жалко. Млекопитающие всё-таки.

– Ну, смотри сам, – усмехнулся чернявый. – Меня, кстати, Максом звать. Максим Снегирёв. Да ты не бойся, прорвёмся!

2.

Саня пожалел, что пришёл сюда без видеокамеры. Очень уж забавное было зрелище – конопатый Петя Репейников, героически пытавшийся задуть тринадцать свечей на торте. Дыхалки ему явно не хватало, свечи упорно не желали гаснуть, Петька злился, а от злости веснушки у него проступали особенно чётко. Заснять бы это, смонтировать, наложить какую-нибудь подходящую музычку, да хотя бы из «Пиратов Карибского моря» – и вышел бы классный клип.

Но камеру он не взял, причём по самой дурацкой причине: в ноль разрядился аккумулятор, и выяснилось это за десять минут до выхода.

– Ничего, это не последний день рождения в твоём новом классе, – философски заметила мама. – Успеешь ещё с видеохроникой наиграться. Вот, рубашку возьми, наглаженную.

...С третьей попытки Петька справился со свечами. Включили свет, и над шоколадным тортом поплыл приторный дымок. Почему-то потушенные, дымящиеся свечи показались Сане похожими на трубы в сожжённой фашистами деревне – они с папой смотрели осенью такой фильм, из старых советских. И тогда было тягостно, и сейчас тоже как-то не очень – хотя, казалось бы, веселиться надо. Всё-таки не хухры-мухры, а день рождения одноклассника, и полно всего: кока-колы, разных вкусовностей, шуток и улыбок, музыки из колонок.

И всё равно Саня чувствовал тут себя чужим. Вроде почти неделя прошла, в классе на него уже не косятся как на неведому зверушку, он уже почти всех по именам-фамилиям помнит – а есть между им и ними какая-то стеночка, прозрачная, из небьющегося стекла. Причём стенку ощущает только он, ребята её не замечают, вроде как приняли в свою стаю. Даже зауважали – после того случая с Боровом. Правда, пару дней смотрели как на смертника-камикадзе, но опасный девятиклассник пока никак не проявлялся. Несколько раз Саня его видел, но тот новичка-семиклассника в упор не замечал. А раз так, то и нечего себе голову забивать всякими свинообразными. И без того проблем хватает.

Например, это ж нужно так умудриться – в первую же неделю поссориться с учителем. Причём не с каким-нибудь, а с учителем физкультуры – уж от физры-то Саня ни малейших неприятностей не ждал, с физрой у него всё всегда было отлично. В Краснодаре вот на районных соревнованиях по лёгкой атлетике выступал за школу и даже грамоту получил.

А всё, между прочим, из-за того самого рыжего Петьки Репейникова, который только-только задул свои тринадцать свечей. Вот что бы ему стоило не забыть форму? Как бы всё прекрасно вышло!

Но в четверг третьим уроком была физра, и в раздевалке Репейников обнаружил, что к уроку более чем не готов. Все остальные давно уже переоделись и теперь стояли в спортзале, ожидая построения. Форма, кстати, идиотская – белые шорты, зелёные футболки с цифрами 1919 – номером школы. Неужели нельзя, чтобы каждый в чём ему удобнее занимался? Но нет, здесь же гимназия, здесь же славные традиции, и маме пришлось срочно покупать эти шорты с футболкой прямо в школе – тут оказалось всё схвачено, и всего за полторы тысячи рублей... За *целых* полторы тысячи, подчёркивала мама, жалуясь папе на московские маразмы.

А Репейников не придумал ничего лучшего, как принять виноватый вид и выйти в зал в чёрном школьном пиджаке, брюках... и даже при галстукке. Точно тут ему не физра, а геометрия.

– Ну и как это понимать? – осведомился Николай Геннадьевич. – Репейников, ты забыл, где у нас раздевалка?

– Он не где раздевалка забыл, он форму забыл, – сообщил учителю мелкий и вертлявый Илюха Муравьёв, в просторечии Мураш. Про таких папа говорит – в каждой бочке затычка.

– О как! – поднял брови Николай Геннадьевич. – Опять? Репейников, это уже который раз по счёту за год? Десятый? Двадцатый? Голову ты в школу не забываешь, верно? А форму, значит, забыть можно? А ты помнишь, о чём я тебя предупреждал в прошлый раз?

Петька опустил голову, и веснушки сделались куда отчётливее.

– Вот вижу, что помнишь! – ухмыльнулся физкультурник. – Я тебя при всех предупредил: ещё раз забудешь форму – и будешь заниматься в трусах! Так что марш в раздевалку, и чтобы через тридцать секунд стоял в строю! И так из-за тебя урок задерживаем.

Репейников сделался ещё ниже ростом, замер неуверенно – то ли в раздевалку идти, то ли умолять учителя, то ли просто зареветь. И Саня каким-то шестым чувством уловил, что именно так сейчас и будет. Разрешится этот вполне посторонний ему Петя Репейников, и тем самым опозорится перед классом ещё сильнее, чем если бы разделся до трусов.

А потом он уловил в себе какое-то седьмое чувство, когда жаркая волна поднимается изнутри, дёргает за сердце и толкает вперёд.

– Николай Геннадьевич! – сказал он, подняв руку, точно сейчас была история или алгебра. – Так же нельзя!

Физкультурник посмотрел на него с интересом.

– Хм... Новый член коллектива, Саша Лаптев из Краснодара?

– Ага! Очень приятно, – машинально вырвалось из Сани.

– А уж мне-то как приятно! – улыбаясь на тридцать два зуба, заявил Николай Геннадьевич. – Ну так что ты мне хотел сказать?

Упругая сила всё ещё толкала Саню вперёд. И как всегда бывало в таких случаях, звенело в ушах и все предметы казались излишне резкими, как если смотреть в полевой бинокль (на прошлый день рождения папа ему такой подарил).

– Я думаю, Николай Геннадьевич, что вы неправы, ну, насчёт Петьки. Он, конечно, виноват, что форму забыл, но нельзя же вот так... заставлять его в трусах заниматься.

– Что вдруг? – прищурился физкультурник. – Чем это принципиально отличается от вашей спортивной формы?

– Ну... – замялся Саня, – вы же сами понимаете! Это же любому было бы стыдно, вот так выйти перед всеми раздетым... тут же и девчонки... то есть девочки.

– Ну, не догола же, – возразил Николай Геннадьевич. – А раз уж ты такой борец за мировую справедливость, скажи: а как мне нужно поступить? Выгнать Репейникова с урока я не имею права, потому что отвечаю за каждого из вас, а значит, весь урок он должен быть у меня на виду. Разрешить ему заниматься в школьной форме тоже не могу, это нарушение гигиенических норм. Заставить его все сорок пять минут просидеть на скамейке? Он не больной, он допущен к урокам физкультуры, а значит, должен выполнять учебную программу. Других вариантов не вижу. Возражения есть?

– Есть! – не сдавался Саня. – Вот в той школе, ну, в Краснодаре, если кто без формы приходил, его к завхозу отправляли, ну типа всегда надо где-то что-то таскать, убратся... а за физру ставили пару, только не в журнал, и нужно было потом отрабатывать. На соревнования там съездить, от школы, или что-то типа того.

– Ну, посылать Репейникова на соревнования – это пять! – заржал физкультурник, и полкласса тут же мелко захихикали. – Это ты, Лаптев, мощно задвинул. – Короче, я тебя выслушал, и даже с большим интересом. А у Репейникова выбор простой – или занимается в трусах, или я ставлю двойку за урок, делаю запись в электронный дневник и сажаю тут на лавочку.

Петька постоял ещё пару секунд, пробубнил «ладно уж, ставьте парашу» и походкой смертника отправился на «скамью штрафников».

...Торт сожрали быстро – он ведь один, а народу восемнадцать человек, почти весь класс. Саня задумался – а кого нет? Да, точно, Мураша нет, но его с пятницы ещё не было,

видно, попал под грипп. Лёхи Щукина тоже нет, но с этим понятно, этого Елеша услала на олимпиаду по журналистике. Бедный Щукин умудрился написать пару заметок в школьную стенгазету «Гимназическая жизнь» – и на собственной шкуре понял, что инициатива наказуема. Как он ни сопротивлялся, но классная Елеша была непреклонна. Посулила, правда, пятёрку по литературе, но ботану Щукину и без того пятёрок хватало.

Саня с первых дней заметил, что здесь, в гимназии, бурлит всякая общественная активность. Конкурсы, олимпиады, лыжные кроссы, стенгазеты, школьное радио... и по сравнению с тихим сонным Краснодаром это было даже интересно. Может, предложить им сделать школьное телевидение? За оператора он бы всяко сработал.

А из девчонок вроде все тут... хотя нет, Жабы не наблюдается. Саня подумал, как верно он с первых минут угадал её прозвище. И с этим гопником тоже почти угадал... пускай не хряк, а боров, но это же почти одно и то же. Девять из десяти. А вот с Жабой, то есть с Лизой Лягушкиной, он попал в десятку.

Ну, что её тут нет – невелика потеря. Чем дальше, тем больше он страдал, что ему досталась такая соседка по парте. Скучная, сонная... и уродина, само собой. Он вдруг представил, как она прыгала бы на физре... в белых шортах и зелёной футболке. Ну стопроцентная лягушка! Жаль, не посмотришь – от физры Жаба освобождена, и как говорят, ещё с прошлого года.

...После торта выяснилось, что больше ни в кого ничего не лезет. Решили утрамбовать съеденное, а лучший способ, как объявила Даша Снегирёва, это танцы. «Что у тебя вообще есть-то? – строго спросила она Петьку. – Давай, диджей, поставь клубняк там какой-нибудь, и чтоб не попсовый, как в прошлый раз!».

Дашу Снегирёву он срисовал ещё в тот свой самый первый урок – именно её он назначил тогда рысью, правда, уже на физике перевёл в пантеры. Всё-таки рысь – это для блондинки, а Даша черноволосая, как и её братец Макс. Оказалось, они близнецы. Раньше Саня думал, что если близнецы – то как клоны, друг от друга не отличишь, но Снегирёвы, или, как их звали в классе, Снегири, всё-таки отличались. Дашка была чуть повыше Макса (и, как с огорчением понял Саня, выше его самого минимум на пять сантиметров... если не на все шесть). Ещё они с Максом отличались цветом глаз – у того они были обычные, серые, а у Даши скорее голубые. А в остальном – довольно похожи. Стройные, гибкие, чёрные волосы слегка выются, но у Макса коротко пострижены, а у Даши заплетены в затейливо уложенную на затылке косу. И голоса у них тоже похожие, только у Даши он какой-то бархатный, что ли. Мама бы про такой, наверное, сказала «артистичный». Но мама вообще слишком часто вздыхала о театре, который оставила ради папы, потому что какая может быть театральная карьера у офицерской жены? Правда, папа как-то по секрету ему шепнул, что мамин театр – это было немножко не то, что Большой или Малый, а вообще даже Дом культуры в Петро-заводске.

Но у Даши голос всё равно был артистичный, одно удовольствие слушать, как она, если выпендривается, слегка тянет гласные. Не «покруче», а «покруччее».

Танцевать Саня не слишком умел, да и не сказать, чтобы так уж фанател от дискотек в школах и летних лагерях. Остальные, похоже, были ничуть не более продвинуты – под общую музыку каждый дрыгался как умел, в меру собственной фантазии. Вот если бы это было как в старинных фильмах, когда какой-нибудь там вальс или белый танец, когда надо приглашать дам – тогда да, тогда страшно. Он вспомнил, как в третьем классе – ещё там, в Пензе, мама чуть было не отдала его в студию бальных танцев, но коса нашла на камень. Пришлось неделю истерить и даже ненадолго – до одиннадцати вечера – сбежать из дома, и мама в итоге сдалась. Потом, правда, насчёт побега пришлось объясняться с папой, и вот про это вспоминать не хотелось до сих пор.

После танцев как-то само получилось, что все разбрелись по группкам. И было куда разбрестись – квартира у Репейниковых четырехкомнатная, а Петькины родители, наготовив вкусностей и выпив с семибэшниками колы, до вечера уехали в какие-то свои гости.

Саня поначалу не знал, куда приткнуться – напрашиваться не хотелось, а позвать его к себе никто не догадался. Тогда он прихватил со стола недопитую бутылочку кока-колы – так оно выглядело солиднее – и пошёл слоняться по квартире, изредка прикладываясь к горлышку. Даже подумал – а не слинять ли домой по-тихому, то есть по-английски, но потом набрёл на Петьку и ещё троих семибэшников – они врубили комп, и с монитора глядела знакомая картинка. Точно! Первый «С.т.а.л.к.е. р», «Тени Чернобыля» – хоть и старенькая, но любимая Санина игрушка. И похоже, любимая его модификация. Сейчас Петька входил в подземную лабораторию Х-16, где его радостно поджидали двое голодных снарков, не считая пятерых военных зомби. Судя по происходящему, такого тёплого приёма Петька никак не ожидал, и жизни ему осталось процентов на десять.

– Ну блинский ёж! – возмутился Саня. – Ты который раз этот уровень проходишь? Тут же аккуратнo надо, и патроны береги, там дальше ещё два жирных бюрера будут, и толпа зомбей, а излучатель нужно быстро отключить, за три минуты. Дай сюда, смотри как надо!

И он показал! Пусть все видят, каков он в деле, Охотник на Мутантов. Не суетиться, не тратить зря драгоценные патроны, постоянно двигаться, снарков бить исключительно в голову, а как до бюреров дойдёт – обходиться ножом, ну и держать палец на кнопке с аптечками. Зомби вовсе не обязательно мочить сразу всех, главное сейчас – к пультам прорываться, рычаги опускать, а уж потом не спеша можно загасить оставшихся.

– Вот так! – сохранившись, изрёк Саня. – Дальше уж сам. Правда, там контроллёр тебя ждёт, за той дверью, но у тебя гранат на него хватит. Главное, кинул – и снова в коридоре прячься, не торопись.

Про себя он подумал, что даже если Петька сумеет оставшимися гранатами разобратсья с контроллёром, то загасить псевдогиганта уровнем ниже ему уже будет нечем. Патронов осталось кот наплакал, подствольника нет... Но зачем раньше времени расстраивать человека?

– Вау! – восхитился Петька. – Я тоже так хочу!

– Да это старьё голимое, чего в него рубиться? – пренебрежительно заявил Славик Руднев. Как будто не он только что сидел, вытаращив глаза, и наблюдал работу мастера.

– А мне по барабану, что старьё, – возразил Петька. – Я этого stalkera давно скачал, и даже забыл про него, а недавно вот вспомнил. Санёк, а ты «Зов Припяти» тоже так можешь?

Саня погрустнел. Ну вот зачем прямо на большую мозоль?

– Да не встала она у меня. Вылетает с ошибкой какой-то. Прикинь, и диск лицензионный, и ноут не древний, по железу должна тянуть...

Ему посочувствовали. Особенно Петька – тот, видимо, помнил случай на физре и ощущал некоторую благодарность.

А вот чего Репейников не знал – это про два разговора в тот четверг. Короткий и длинный.

Короткий – это с Максом Снегирёвым. После физры, когда выходили из раздевалки, он пристроился к Сане и шепнул:

– Ну и на фиг это тебе? С Динамометром обострять не советую.

– С кем? – не сразу врубился Саня.

– С Динамометром, ну, Николаем Геннадьевичем, – пояснил Макс. – Его так прозвали, потому что он каждый год в сентябре и в мае всех заставляет динамометр жать и у себя в блокноте пишет, у кого как сила за год выросла. Ты не думай, что раз он не орёт и не ругается, то с ним можно борзеть. Он вот с тобой вроде как нормально побазарит, а потом бац

– и разбор на педсовете, или за четверть поведение снизят, или ещё чего. Он злопамятный почище Борова. И главное, ты чего завёлся-то? Ради кого? Тебе Репей что, друг, брат?

– Да какая разница? – честно удивился Саня. – Просто вот чтобы в трусах – это ж беспредел. Тебе бы так понравилось?

– А я форму не забываю, – возразил Макс. – Короче, я тебя чисто по-дружески предупредил, а дальше как знаешь.

А вот второй разговор был совсем иным. Когда толпа семибэшников после седьмого урока скатилась в раздевалку, Саню окликнули:

– Саша Лаптев, можно тебя на минуточку?

Да, это была она, Антонина Алексеевна.

– Ага! – ответил он, комкая лямку рюкзака. А что ещё ему оставалось ответить?

– Пойдём-ка ко мне, – велела завуч и повела его на третий этаж, в кабинет английского языка. Попутно выяснилось, что преподаёт она старшеклассникам и Саню начнёт учить только с девятого класса. «Если только мы не свалим из Москвы раньше», хотел сказать он, но на всякий случай промолчал.

– Садись, – указала Антонина Алексеевна на первую парту, а сама опустилась в учительское кресло. – Ты догадываешься, о чём я хотела с тобой поговорить?

– Нет! – сделал Саня честные глаза. – А что-то случилось?

– Случилось, – кивнула Антонина Алексеевна. – Я в курсе того, что было у вас на уроке физкультуры. Пойми, Саша, я не собираюсь тебя ругать. Ты, в общем-то, не сделал ничего плохого. Да, спорил с учителем, но не грубил же. Я не ретроград, я не считаю, что дети никогда не должны спорить с учителями. Собственно говоря, как у представителя администрации гимназии, у меня нет к тебе претензий. Но вот чисто по-человечески хочу предостеречь. Видишь ли, совсем не всё равно, ради чего спорить. Допустим, тебе несправедливо поставили плохую оценку, или обвинили в том, в чём ты заведомо не виноват, или, ещё хуже, ударили... ты не думай, это я так сказала, для примера, у нас в гимназии такого быть не может. В общем, когда ты ощущаешь, что нарушены твои права, ты можешь – разумеется, в корректной форме – их отстаивать.

– А если не свои? – осторожно спросил Саня.

– Вот! – подняла палец Антонина Алексеевна. – Именно это я и имела в виду. Понимаешь ли, когда ты вступаешься за других людей, если тебе *кажется*, что их несправедливо обидели – ты очень рискуешь. И даже не в том дело, что сам можешь, как у вас говорят, попасть под раздачу. Хуже другое – есть опасность вообразить себя народным заступником, тебе будет это нравиться, тебе будет приятно выглядеть героем в глазах ребят... и вот это может очень плохо кончиться, причём не только для тебя. Знаешь ли, сколько в мировой истории было таких пламенных борцов... а кончалось дело кровью. Или их казнили, или они, дорвавшись до власти, начинали террор.

– Ага! – понял Саня. – То есть если я сегодня сказал Николаю Геннадьевичу, что нельзя вот так с Петькой, то завтра мне отрубят голову, или я её отрублю миллиону человек?

– Ну зачем же так грубо? – взмахнула ресницами завуч. – Это может всё быть в других формах, и не прямо уж так завтра... но пойми, очень многие деятели, причинившие людям массу зла, именно с таких благородных порывов и начинали. Поэтому надо быть поосторожнее с этими порывами... десять раз подумать, а надо ли выступать, а каковы могут быть последствия... и для тебя, и для того, кого ты решил защитить. Вот, кстати, через год вы по литературе будете проходить «Дон Кихота» Сервантеса, там есть такой эпизод, когда Дон Кихот решил защитить мальчика...

– Антонина Алексеевна, я читал, – вставил Саня. – Довольно нудная книжка, если честно, но мама заставила. Я понимаю, про что вы. Что от его защиты тому парню стало

только хуже... Но почему Петьке-то Репейникову будет хуже от того, что я Николаю Геннадьевичу сказал, что нельзя вот так?

– А что ты знаешь о Пете Репейникове? – усмехнулась Антонина Алексеевна. – Откуда ты знаешь, что у него за семья, какова там ситуация, чем ему может аукнуться двойка по физкультуре, особенно с записью в электронный журнал? Он ведь не просил тебя его защитить, это ты сам решил, что для него лучше. А если ты решил неправильно? А если он вместо благодарности проклинать тебя будет? Пойми, я не конкретно про этот случай, а вообще. С Репейниковым ладно, я семью знаю, вполне благополучная семья... но вот очень многие, если бы ты их начал так выручать, как Петю, сильно бы на тебя обиделись... потому что ты сделал бы им хуже, сам о том не догадываясь. Ты понимаешь меня?

– Понимаю, – кивнул он. – Не зная броду, не суйся в воду.

– Вот-вот! – обрадовалась завуч. – Очень к месту!

– Но если не войти в воду, то и брод не нащупаешь, – продолжил Саня.

Антонина Алексеевна скривила губы.

– Саша, фантазировать на тему пословиц можно до бесконечности, но, надеюсь, ты меня понимаешь. В данном случае всё окончилось нормально, Петя получил свою двойку и уж как-нибудь объяснится с родителями, это их семейное дело. С Николаем Геннадьевичем я поговорю, и надеюсь, подобных скользких моментов более на его уроках не возникнет... при том, что формальных нарушений за ним всё-таки не было. Но вот о чем я тебе сказала, ты всё-таки обдумай.

– Обязательно! – согласился Саня, после чего был отпущен.

...Конечно, об этом разговоре Петьке знать не следовало, да, в общем, и никому. Он даже папе не стал рассказывать. В конце концов, ничего же не случилось.

3.

...Разговор про «С.т.а.л.к.е.р. а» как-то увял, и Саня всё с той же недопитой колой отправился дальше, куда ноги вели и глаза глядели. Оказалось, и те, и другие вели к Снегирям, которые выбрались на лоджию и спокойно себе курили.

Сане тут же вспомнились мамины наставления:

– Только помни, что ребята незнакомые, может быть всякое: и сигареты, и пиво, и даже кое-что похуже. Ведь это уже седьмой класс, уже может быть что угодно, вплоть до наркотиков! Обещай, что как только увидишь нечто подобное, немедленно отправишься домой!

Ну, если мама просит, почему бы не пообещать? Особенно если торопишься.

И вот увидел. Что, так вот взять и домой отправиться? В конце концов, он же не мелкий детёныш. Курить не будет (пробовал уже, ничего особенного), пива тоже (уж это вообще гадость, хуже любой газировки).

– Будешь? – предложил Макс.

– Охотники на мутантов берегут ману, – использовал Саня очередную заготовку. – Я лучше так постою, если вы не против, конечно.

– Да ладно уж, стой, – разрешила Даша. – Кто ж мешает-то?

Саня прислонился к стенке, поглядел сквозь стекло. Семнадцатый этаж, не хухры-мухры. Да, это Москва! Во всех прежних местах выше пятого как-то не получалось. А тут – огромный простор. «Лепота», как говорил царь в старом советском фильме.

– Что-то интересное увидел? – спросил Макс. Наверное, просто чтобы оборвать затянувшееся молчание.

– Да так... красиво у вас тут, в Москве.

– А ты сам-то откуда? – поинтересовалась Даша. – Кажется, из Краснодара?

– Ну, в Краснодаре мы только два года жили, – усмехнулся Саня, – а до того много где. И в Пензе, и в Новгороде, и в Саратове, и в Кемерово даже. Только Кемерово я плохо помню, совсем мелкий тогда был. А родился вообще в Петрозаводске.

– Круто! – признал Макс. – А почему так?

– Папа военный, ну и переводят на разные места службы, – в который уже раз пояснил Саня, – вот и приходится вести кочевую жизнь.

– А по званию он кто, папа твой? – Даша опять потянула гласные, и у неё вышло «паа-апаа». – Случайно, не генерал?

– Пока майор, но тут, в столице, ему подпола дадут, – он вздохнул и вспомнил, что подполковника папе обещали и в Краснодаре.

– Там у вас в Краснодаре жарко, да? – Макса, похоже, потянуло на светскую беседу. Сейчас, небось, о музыке спросит... Саня вспомнил анекдот из категории «не при детях».

– Ну, летом да, жарыща, а зимой по-всякому. Ты что, думаешь там как в Африке, пальмы и крокодилы?

– А чего там за школа у тебя была? – осведомилась Даша.

– Ну, обычная, – на миг задумался Саня. – Ребята вроде ничего, гопников не так чтобы много. А учителя... короче, разные. Классная была географичка, её Глобусом звали, потому что толстая. Историчка нормальная, Нина Семёновна, интересно рассказывала. А вот физик, Игорь Андреевич, это вообще псих, кидался на всех. В общем, школа как школа, были и получше, и похуже.

– Прямо вот так кидался, с кулаками? – заинтересовался Макс.

– Ну, как... мог дневником или учебником в тебя запульнуть, за шиворот мог взять и из класса, – принялся перечислять Саня. – Но потом я папе рассказал, он к нему сходил,

поговорил. Это перед Новым годом было. Короче, больше не кидался... а потом мы оттуда уехали. А у вас тут как? Кроме Динамометра, остальные какие?

– Да и Динамометр, в общем, нормальный мужик, если его не злить, – возразил Макс. – Руки не распускает, если ты про это. А вот самая злющая, это Светлана Викторовна, биологичка. Ты её пока не видел, она болеет, её на этой неделе Татьяна Павловна замещает. А вот как выйдет Светик, сразу поймёшь. Она так орёт, что стёкла звенят.

– Зато у нас класс дружный, – вставила Даша. – Уродцев почти нет. Ну, Гоша Куницын, правда. Он второгодник, не потому что тупой, просто болел много. Вот у него нервы, он если разозлится, любого разматает. Его и старшаки опасаются.

Саня сообразил, что Куницын – это, видимо, тот самый долговязый тип на задней парте, которого он на первом же уроке зачислил в тигры. Неудивительно, что сюда его не позвали.

– Да Гоха ещё ладно, – уточнил Макс. – Он хоть не вредный. Ему просто до нас дела нет, он типа кошки, сам по себе гуляет. Но зато не презирает никого. Не то что Жаба...

– Это с которой тебя посадили, – пояснила Даша. – Да, не повезло тебе, Санёк... Ты разве до сих пор не уловил, что от неё воняет?

– Ну... – осторожно заметил Саня. – Как-то не принохивался. Оно мне надо?

– Да что от неё потом разит, это ещё цветочки, – вздохнул Макс. – В конце концов, она ж не виновата, что жирная уродина.

– Хотя на её месте можно было бы и поменьше булочек жрать, – внесла уточнение Даша.

– Понимаешь, – продолжил Макс, – она себя считает самой умной, а всех других презирает. Она ж не конь в пальто, она у нас писательница, между прочим! В детском литературном журнальчике стишки печатает. А к нам ко всем относится как к придуркам.

– И чуть что, сразу учителям стучит! – сурово добавила Даша. – Сколько раз уже было, что кто-то спалился, а кроме как ей заложить некому.

– А потом в детском этом журнальчике пишет, какая она вся в белом, а мы тут все гады, – прокурорским тоном сообщил Макс.

– Правда-правда! – подтвердила Даша. – Она один экземплярчик ещё осенью притащила в школу, Елеше похвастаться. А Елеша у себя на столе его забыла, мы и потырили. Хочешь, зачитаю её стих?

– Ну давай, – согласился Саня. Портрет его соседки по парте всё больше и больше наливался грязью. Если она и правда стучит... как бы от неё пересесть... ну хоть к кому.

– Вот, слушай! – начала Даша и красиво, по-актёрски, исполнила:

– Я каждый день вхожу сюда как в клетку,
Здесь обезьяны, хищники и змеи.
Я б им дала от дикости таблетки,
Но жаль, таких таблеток не имею.
Они шипят, кусаются, плюются,
И только внешне выглядят как дети,
Им далеко до всяких эволюций,
Но кто их приручил, за них в ответе.
Я каждый день держу здесь оборону,
И все меня считают несуразью.
Я в этой стае белая ворона,
А белых тут умеют мазать грязью.

– Ну ты понял, – скорчил рожу Макс, – кем она нас считает? И ведь там же не просто, в этом журнальчике, написано «Лиза Лягушкина», нет, там школа и класс указаны. То есть она на всю страну нас опозорила.

– На весь мир! – уточнила Даша. – Журнальчик-то этот и в интернете выложен, я проверила. Теперь хоть из Африки, хоть из Америки зайди, прочитаешь, какие мы в седьмом «б» сволочи.

– Это точно! – кивнул Саня, и тут же вспомнил, как сам совсем недавно развлекался игрой в зоопарк. Но ведь, в отличие от Жабы, он никому про это не рассказывал! И уж тем более не стал бы про такое печатать стихи. Правда, он и не умел их писать, и больше того – поэзию считал делом изнеженных ботанов.

– Но зато остальные у нас – нормальные, – утешила его Даша. – Ну, ясен пень, у всех свои тараканы, но такие, знаешь, мелкие тараканчики, не кусачие. У нас даже группа во вконтакте есть, нашего класса. Давай, вступай. И вообще, давай френдиться. Добавляйся в друзья! Кстати, а ты есть во Вконтакте? Как тебя там зовут?

Саня объяснил, и даже, вынув свой смартфон – подарок бабушки Коли на прошлый день рождения – забил туда координаты обоих Снегирей.

– Ладно, пошли, что ли, уже, – предложил Макс, опустив докуренный бычок в пакетик. – Без нас там народ, наверное, скучает.

Саня восхитился предусмотрительностью Снегирей. Надо же, пакетик притащили для окурков, чтобы Петьку перед родителями не подставлять. Как всё у этих близнецов схвачено!

– Народ, а чего сидим? – заявила Даша. – Пошли на улицу, проветримся, и вообще.

– Скоро Петькины родаки вернутся, – шёпотом пояснил Сане Макс, – и финита ля комедия. Между прочим, могут припахать и посуду помыть, я их знаю.

Саня не видел ничего жуткого в том, чтобы помочь Репейникову с посудой, но спорить не стал. Может, у них, у москвичей, так не принято.

На улице уже сгустились плотные, грязно-сиреневые сумерки. Неспешно крутились в лучах фонарей редкие снежинки, высокие, в полтора человеческих роста сугробы казались настоящими горами, но карабкаться на них не следовало – снег хоть и заледенел сверху, однако внизу был ещё рыхлый, и провалиться туда по пояс – как нечего делать. Вчера Саня уже поставил такой эксперимент, когда гулял с Мишкой. Когда они вернулись, мокрые и грязные, маминым восторгам не было предела. Кары обещались самые жуткие, вплоть до лишения ноутбука.

– Ну ладно он, маленький и глупый! – драматическим тоном вещала мама, – но тебе уже без малого тринадцать лет! Ты старший брат, ты должен подавать пример и заботиться! А ты? Всё, на сегодня никаких гуляний! Будешь мыть полы во всей квартире! И я ещё хорошенько подумаю, отпускать ли тебя завтра на этот подозрительный день рождения!

– Чем же он подозрительный? – хмуро спросил Саня.

– Всем! – мама хлопнула ладонью по столу. – Неизвестный город, неизвестные дети... кто знает, чему они тебя научат! Пить, курить...

– Целоваться... – продолжил мамину мысль Саня, за что едва не получил по губам.

– И это тоже! – напористо заявила она. – Сперва поцелуй, а потом...

– Пелёнки, распашонки, – предположил Саня, на всякий случай переместившись в другой угол комнаты.

– Тьфу на тебя! – рывкнула мама. – Короче, так: сперва мыть брата, потом себя, потом полы. Именно в такой последовательности!

...Сугробы, впрочем, ни у кого из семибэшников интереса не вызвали. Другое дело – снежки. За последние пару дней слегка потеплело, подтаяло, и снег сделался лучше некуда:

плотным, липким. Как-то само собой вышло, что класс разделился на две команды, одной рулил Макс, другой – Даша. Саня предпочёл Дашину.

Кидать снежки – это только со стороны кажется нехитрым делом. Реально же послать снежный комок прицельно – посложнее, чем спортивный мячик. Тот всегда одинаковый, к нему легко приноровиться, а снежок – он то больше, то меньше, то плотнее, то рыхлее. И когда на тебе тёплая и крупная, на вырост, куртка – замах получается хуже, чем если ты в майке.

Но у Сани был огромный опыт, плюс к тому тренированные мышцы и меткий глаз. Уж если из папиного пистолета он с первого же раза выбил шесть из десяти – то что говорить о каких-то снежках! Это тебе не огнестрел, отдачи нет. Правда, тот случай на полигоне оказался единственным. Ну что бы стоило папе промолчать о том, чем развлекал сына-пятиклассника. Нет, проболтался маме – и получил по полной. «Рикошет! – кричала мама. – А если бы рикошет?! У тебя вообще мозги в голове есть, или только вмятина от фуражки?»

Почти каждый Санин снежок достигал цели. Конечно, он не дурак – метил не в лицо, а в грудь или живот. Ну в крайнем случае в шапки. А то ведь, если со всей дури в глаз захреначить, мало не покажется. На себе испытано.

Перебрасываясь снежками, они давно уже переместились от Петькиного двора на улицу, и теперь Максова команда гналась за Дашинной – а Даша, делая короткие паузы для перестрелки, вводила своих куда-то далеко, с большой улицы на какие-то помельче. Макс не отставал, но сохранял некоторую дистанцию – видно, чтобы было интереснее. Саня примерился, замер на секунду – и с разворотом корпуса вклепил Максу снежком по шапке, едва успев увернуться от ответного снаряда. Обернулся к Даше – оцени, мол, меткость и ловкость! – но та застыла, углядев впереди что-то интересное.

– Хоба-на! Кого я вижу! – обернулась она к ребятам, и в голосе её послышались звенящие колокольчики. – А ведь это Жаба!

Она указала пальцем на фигурку в тёмном пальто, суетливо ковылявшую по другой стороне улицы.

– Точно, Жаба! – подтвердил Макс, который использовал паузу в перестрелке, чтобы подобраться вплотную.

Кто кинул первый снежок, Саня даже и не понял. Вполне возможно, Снегири тут были не при чём. Но после очередного попадания Макс скомандовал: «Батарея, огонь!» – и рой снарядов накрыл не ожидавшую такого Лягушкину.

Саня кидал тоже – сейчас он был бойцом спецподразделения и выполнял приказ командования. Целился в спину, вернее, в школьный рюкзачок на спине Жабы. А та, сначала застыв под градом снежков, затем пошла прежней своей дорогой, и шла всё быстрее и быстрее, а потом уж почти побежала.

Но где ей было оторваться от семибэшников! Часть народа продолжала двигаться по прежней стороне улицы, а другие рванули через дорогу поближе. Возмущённо пискнули сигналы машин, какая-то тётка истерически завопила: «Жить надоело? Куда под колёса прётесь?», но всё это никак не помешало погоне.

Странно, что Жабе и в голову не приходило нагнуться, слепить снежок и принять предложенную ей дуэль. Вместо этого она бежала, как если бы небо набухло грозowymi тучами, обещая неслабый ливень, и надо было успеть от него укрыться.

Снежки лупили её в спину, в голову, а вместе со снежками – хоровой крик: «Жа-ба! Жа-ба!». Кричал вместе со всеми и Саня – сейчас он ощущал себя частью команды, и не было между ним и семибэшниками никакой такой прозрачной стенки. И правильно! Разве эта стукачка заслужила чего лучшего? Если она считает окружающих зверями – так пусть не обижаются, если немного покусуют. Так, исключительно для воспитания!

Понемногу Саня начал соображать, куда она стремится. Высокий белый дом, этажей, наверное, шестнадцать, если не больше. Похоже, там она и живёт.

Во дворе было почти безлюдно – если не считать парочку куривших у подъезда дядек и довольно крупную, штук семь-восемь, стаю бродячих шавок. Шавки расположились возле помойных контейнеров и смотрели на всё равнодушными жёлтыми глазами.

Уже в двух шагах от подъезда Жаба поскользнулась, смешно шлёпнулась на задницу – и тут же получила очередной снежок, но теперь не в спину, а прямо в нос. Тонко завизжала, неуклюже поднялась на четвереньки, потом встала на ноги – и доковыляла до входной двери. Застыла на минутку, доставая магнитный ключ – и промедление это стоило ей пары снежков пониже спины. Последний снежок впечатался уже в закрывшуюся стальную дверь.

Саня перевёл дух, вытер варежкой вспотевшее лицо. Ну вот, окончен бой, враг бежал.

Но дальше случилось странное. Собаки, до сего момента без всякого интереса наблюдавшие за охотой на Жабу, вдруг оживились. Отошли от своей помойки, перестроились из беспорядочной кучи в цепь – и вдруг с яростным лаем бросились на Дашу Снегирёву, оказавшуюся ближе других. Та взвизгнула и не придумала ничего лучшего, как бежать от стаи.

Саня, если честно, бродячих собак побаивался. Нормальных, породистых – нисколько, а вот этих, дворовых... Ещё с детского сада в Саратове, когда воспиталки и нянечки обсуждали между собой разные ужасы, кого и как эти одичавшие звери погрызли. Нянечки знали это в подробностях.

Но сейчас вариантов не было. Ещё миг – и свора перейдёт от лая к покусам: Дашка, побежав, тут же превратилась для них в добычу, как заяц для волка.

Саня быстро-быстро слепил снежок и кинул его в морду главной собаки, чёрной с рыжими подпалинами. Кинул со всей силы, не как в Жабу, а чтобы зверюге залепило снегом все глаза.

– Да стой ты, не беги! – крикнул он Дашке и сам побежал, чтобы оказаться между нею и стаей. Остальные семибэшники, похоже, растерялись и маячили в отдалении.

И тут с собаками произошла новая странность. Они вдруг взвыли хором, точно каждую окатили крутым кипятком, и бросились – не на Саню и не на Дашу, а совсем в другую сторону, за линию сугробов, к видневшейся в отдалении спортплощадке, по зимнему времени совершенно пустой.

– Что это было? – сам себя спросил Саня, но ответить, ясное дело, не мог. Странности – на то они и странности, что необъяснимы.

– Блин, – сказала Даша. – Спасибо! Ну ты просто герой! Рыцарь на белом коне.

Саня не сообразил, что на это ответить, и молча кивнул. Где-то он уже слышал что-то такое, насчёт белого.

Заснуть ему никак не удавалось, и Саня прислушивался к звукам ночи. Вот сопит в своей кроватке Мишка – наверняка взял с собой рыжего плющевого зайца, без которого с некоторых пор отказывается укладываться. Интересно, кому это пришло в голову красить зайца в рыжий? Или, как предположил папа, покрасили не в то, что по ГОСТу, а что реально было на складе?

Ещё слышится тиканье будильника, и он слабо мерцает в темноте зелёным. В семь часов прозвенит, и как ни лови сладкие остатки сна, как ни натягивай на голову одеяло, а придётся вставать и топтать в образцовую гимназию.

За окнами дребезжит запоздавший трамвай, пиликает где-то сигнализация машины. А свет от фар время от времени проносится по потолку. Потолок слегка потрескавшийся, побелка кое-где сыплется. Зато и квартиру дешевле сдали, чем если бы здесь был евроремонт. Интересно, будет ли у них когда-нибудь своя, настоящая квартира, а не съёмная? Ещё

лучше – свой дом, чтобы чердак и подвал, и сад с яблонями, и колодец... как в Семиполье у папиных друзей Овсянниковых, у которых они с Мишкой гостили прошлым летом.

– Ну, как погулял? – спросила мама, когда он вернулся, причём гораздо раньше «часа Ч», после которого родители начнут обзванивать морги, больницы и отделения полиции. Час «Ч» мама ему установила в девять, и ни минутой позже. Но он пришёл, когда ещё не было семи.

– Нормально, – хмуро отозвался он. – Если ты про пиво, сигареты, наркотики и всё такое, то не пил, не курил, не кололся, не целовался. И вообще меня никто не зарезал и не похитил, представляешь?

– Огрызаешься, – вздохнула мама. – Вот он и пришёл, дед Мороз!

– Какой ещё дед Мороз? – не понял Саня.

– В смысле, переходный возраст, – мама снова вздохнула.

И тут в разговор вмешался Мишка – уловил знакомые слова.

– Дед Мороз?! – воскликнул он, забираясь с ногами на стул. – Он пришёл?! А почему меня не позвали? Он мне какие подарки принёс?

– Какие тебе ещё подарки, какой ещё дед Мороз? – возмутился Саня. – Совсем недавно Новый год был, и тебя просто завалили игрушками, а тебе всё мало? Не хватает чего ещё поломать?

– И вовсе не недавно, а очень давно! – возмутился Мишка. – И вообще, это же в Краснодаре было, а мы сейчас в Москве. Тут должен другой Новый год быть и другой Дед Мороз! С другими подарками.

В свои четыре года Мишка очень хорошо наловчился спорить со старшими. Особенно если дело касалось подарков.

– Папа опять на дежурстве? – спросил Саня, садясь за кухонный стол. – Вроде ж сегодня не должен, он же вчера...

– Вызвали, – в голосе мамы послышались знакомые драматические нотки. – Сказали, необходимость. А он и рад стараться. Стойкий оловянный солдатик.

...В десять вечера его, не слушая никаких возражений, загнали спать. В принципе, можно было и поскандалить, оттянуть неизбежное хотя бы до одиннадцати, но почему-то не хотелось. Вообще ничего не хотелось – ни по тысячному разу гонять «С.Т.А.Л.К.Е.Р. а», ни смотреть телек, ни монтировать прощальное видео из Краснодара, ни даже чатиться во контакте с тамошними друзьями, Лёхой и Женькой. Внутри было пусто, снаружи было скучно.

Да и заснуть не выходило, подушка казалась слишком твёрдой, одеяло – слишком жарким, воздух в комнате – слишком спёртым. Оставалось снова и снова перебирать мысленно сегодняшние события. Вот Петька, счастливый, открывает ему дверь, и Саня вручает подарок – «золотой диск» третьего «Фоллаута» со всеми аддонами.

– Без подарка неприлично, – внушала мама. – Обязательно что-то нужно подарить. И лучший подарок – это книга.

– Сейчас не так, – возражал он. – Сейчас книги только ботаны дарят ботанам.

В итоге получил пятьсот рублей и разрешение купить на них Пете что угодно. Хоть справочник по математике, хоть ручной гранатомёт из пластмассы.

Следующий кадр – битва в лаборатории X-16, ошметки монстров и зомби. Никто не может устоять против Охотника на Мутантов. Потом – разговор на лоджии, Дашины глаза... всё-таки их можно считать голубыми, а не серыми. И сразу резкая смена плана – погоня за Жабой... как она семенит под градом снежков... как бежит... как спотыкается у подъезда... а потом внезапно взбесившиеся и столь же внезапно струсившие собаки.

Всё это крутилось в голове, перемешивалось, как цветные стекляшки в калейдоскопе, а потом Саня вдруг понял, что сидит в огромном пустом кинозале и смотрит кино, которое

крутят для него одного. Причём он был сразу в двух местах – и в мягком синем кресле, и там, на экране.

Вернее, в школьном спортзале. Весь класс выстроился в шеренгу по росту, но вместо Динамометра урок проводит Даша. В спортивном костюме, фиолетовом в белую полоску, на шее жёлтый свисток.

А он, Саня, стоит перед строем, в джинсах и свитере.

– Ты, Лаптев, опять явился без физкультурной формы, – строго, по-взрослому говорит Даша. Причём красиво тянет слоги, получается «фооормы». – Поэтому у тебя выбор: или ты будешь заниматься в трусааах, или, – тычет она рукой куда-то позади себя, – будешь съееден!

И действительно, там, за её спиной, собралась огромная собачья стая. Не семь-восемь шавок, а может, сто или тысяча. Собаки шумно отряхиваются, шевелят ушами, тяжело дышат, скалят жёлтые клыки. Прямо как в «S.T.A.L.K.E.R.e», только там слепые псы, а тут с глазами. Но такие же людоеды!

Саня хочет остановить это идиотское кино, только ничего у него выходит. Он даже не может встать с кресла – потому что руки его примотаны скотчем к подлокотникам. И поэтому ему-экранному приходится, давясь от стыда, снять свитер, потом рубашку с майкой, расстегнуть джинсы и стянуть их, оставшись в коротеньких синих плавках. В шеренге семибэшников слышится отчётливое хихиканье, и даже видно, кто хихикнул первым – ясное дело, Петька Репейников!

– А сейчас мы начинаем наш уроок! – в Дашином голосе добавляется важности. – Сперва – бег.

И она залиvisto свистит в свисток.

Саня бежит. Это оказывается очень легко, и ничто ему не мешает – ни высокие стены сугробов справа и слева, ни машины, которые испуганно сигналият и уворачиваются.

– Второе упражнение – метание! – продолжает физкультурничать Даша. – Класс, приготовились! Цель! Упреждение! Огооонь!

И в голую спину врезаются снежки. Это не больно, но ужасно обидно, и он бежит быстрее, чтобы удрать от своей обиды, но обида сидит у него на шее и шепчет в ухо: «Ла-поть! Ла-поть!».

Хотя нет, это не она шепчет, это хором орут догоняющие его семибэшники, и хор их становится всё громче, всё звонче, и вот уже звенит непрерывно.

– Саня! – прорывается сквозь звон голос мамы. – Ты принципиально игнорируешь будильник? Я ведь вижу, что проснулся уже. Ты что, гонялся за кем-то во сне? Даже одеяло на пол сбросил! Вставай! Мыться и завтракать!

4.

Когда сквозь разрывы облаков проглядывает жёлтое, похожее на одуванчик солнце, когда сосульки истончаются, а крупные капли долбят с той стороны по жестяному подоконнику... в конце концов, когда всего неделя осталась до каникул – как-то совсем не тянет учить историю.

Тамара Григорьевна, похоже, считала иначе.

– Что с вами происходит? – её пухлые щёки заметно побагровели, а глаза, подкрашенные снизу какой-то косметикой, приобрели вампирское выражение. Во всяком случае, если бы Саня взялся снимать хоррор про вампиров, то непременно пригласил бы историчку на главную роль. – Седьмой «б»! Вы вообще меня слышите?

Такую трудно не услышать, подумал Саня. Голос не просто пронзительный, а прямо-таки «резательный». Пронзительным пронзают насквозь душу, а резательным режут её вдоль.

– И как же это объяснить? – возмущалась Тамара Григорьевна. – Почему никто не выучили параграф пятнадцать? Почему никто не принёс раскрашенных контурных карт? Почему вот уже третий ученик подряд не может ответить на простейший вопрос – когда началась и сколько длилась Северная война? И это в конце четверти, когда надо выставлять оценки! Вы хотите, чтобы я выставила целый столбец двоек?

Ага, как же, выставит она столбец, мысленно усмехнулся Саня. За такое её завуч с директором разделают как орда кровососов сталкера-новичка с пистолетом Макарова. А что останется после кровососов, дождут слепые собаки.

Самому ему бояться было нечего – две четверки в журнале, пятёрка за реферат о предательстве гетмана Мазепы, ну и трояк за самостоятельную. Что поделать, даты запоминались плохо. Да и зачем их запоминать, если всегда можно зайти в Википедию?

– Итак, есть в этом классе хоть один человек, который может рассказать о причинах Северной войны? Или мне по алфавиту вызывать и двойки ставить? Не вижу рук! Значит, придётся... – и историчка, чьё прозвище было Истеричка, демонстративно потянулась к багровому классному журналу.

Но всё-таки одна рука нашлась, и совсем рядом. Жаба тянула её изо всех сил и даже слегка трясла кистью – как делают это младшеклассники, мечтающие отличиться. Ну понятно, чего ещё ждать от Жабы? Мало ей своих пятёрок... ей бы таблеток от жадности, да побольше, побольше...

– Ну что ж, хоть один нормальный ученик в этом классе нашёлся, – с явным удовольствием произнесла Тамара Григорьевна. – Пожалуйста, Лиза, к доске.

Жаба проворно выбралась из-за парты и, ухватив указку, прицелилась ею в огромную, на всю доску, карту Европы. Историчка тоже покинула своё кресло и встала напротив Лягушкиной.

Саня, оставшись за партой в одиночестве, откинулся на спинку стула, повернул голову вбок – и вдруг заметил, как переглянулись друг с другом Снегири. Сидели они в разных местах – Даша на первой парте в ряду у окна, Макс – на третьей в среднем.

– Причины начавшейся в Европе в 1700 году Северной войны заключаются в том, что... – бойко начала Жаба, но продолжить не успела.

Потому что на весь класс раздалось оглушительное кваканье! Прямо настоящий лягушачий концерт в болоте, летним вечером после заката. Хор лягушек исполнял арию лягушек, да так задорно, так заливисто, что Саня сообразил – не обошлось без обработки в звуковом редакторе. Он сам делал похожие штуки, подбирая что-нибудь прикольное для аудиодорожек в клипах. Где-то явно замедлили звук, где-то ускорили, где-то подтянули высоту...

На несчастную Жабу жалко было смотреть. Лицо её побелело, губы затряслись – вот прямо сейчас расплачется! – но всё-таки сдержалась.

Секунд через пять лягушачий концерт прекратился.

– Кто это сделал? – бесцветным голосом спросила историчка. И даже не так – между словами она ставила паузы, будто гвозди забивала: – Кто. Это. Сделал?

Дашка Снегирёва, преданно глядя на Тамару Григорьевну, пояснила:

– Да это, наверное, с улицы, в мобильнике у кого-то сработало. Окно же открыто, слышимость стопроцентная.

Саня подумал, что идея как-то не очень. Какая такая улица? Окна выходят на школьный двор, вот прямо на спортплощадку.

Но историчка, к его удивлению, не стала заводиться.

– Ладно, бывает. Продолжай, Лиза!

Лягушкина уже почти успокоилась, и только по тому, с какой силой её пальцы сжимали указку, Саня понял, что не до конца. А ещё понял, глядя на неё, как ей хочется этой указкой врезать по роже... много кому. Начала бы она, конечно, со Снегирей, а дальше методично обработала весь класс. Десять бочек злости, как сказал бы папа.

А Саня вдруг подумал, что лягушачий концерт – штука очень ценная. Мало ли зачем может пригодиться... Пошарить, что ли, в поисковиках, скачать? Надо же пополнять библиотеку аудиоэффектов! Но тут ему пришла в голову идея получше. Ясное же дело, Снегири одним разом не ограничатся. А раз так – почему бы не воспользоваться ситуацией?

Он тихонько достал смартфон, выбрал режим диктофона. Ставить на непрерывную запись не хотелось, потом возиться, вырезать лишнее. А вот держать палец на кнопке и в нужный момент нажать... Саня чуял, что этот нужный момент обязательно настанет.

И действительно! Стоило Жабе заговорить о том, что европейские страны обиделись на Швецию и решили всей толпой с ней разобраться – как лягушачий концерт раздался вновь. Только теперь уже в другом месте. Максова работа, догадался Саня.

Второго такого удара Жаба не перенесла. Слезы, наконец, брызнули из неё, она швырнула указку на пол и, захлёбываясь от рёва, пулей вылетела из класса.

А седьмой «б» затих. Так затих, что если бы здесь пролетала муха – то одурела бы от такой непривычной тишины и шлёпнулась прямо на раскрытый классный журнал. Кажется, эффект превзошёл все ожидания.

– Таак, – зловеще протянула Истеричка. – Может, кто-то ещё рискнёт уверять меня, что это мобильный с улицы? В общем, так, седьмой «б»: терпение моё лопнуло, за урок все, кроме Лягушкиной, разумеется, получают двойки, а самое главное: я пишу докладную директору о безобразной обстановке в вашем классе. Дальше уж не моя забота. Пусть Елена Ивановна вас воспитывает, хотя я бы на её месте давно поставила вопрос о расформировании. Кое-кому не место в нашей гимназии. Кое-кому прямая дорога в школу для умственно отсталых или трудновоспитуемых! А сейчас, в оставшиеся пятнадцать минут, взяли листочки, закрыли учебники и быстренько изложили краткое содержание параграфа пятнадцать! Оценки пойдут прямо в журнал, без всяких там исправлений!

...На перемене Саня подошёл к Максиму.

– Ну и зачем это было делать? – спросил он с абсолютно искренним удивлением. – Из-за какой-то Жабы... а теперь всем параша вкатают...

– Не ссы, не вкатают, – успокоил его Макс. – Истеричка всегда грозитя и никогда не ставит. Она Антонины боится, а Антонине эти двойки на фиг не нужны, она ж отчитывается в департаменте, какая у нас в нашей прекрасной гимназии прекрасная успеваемость. Ну, может, в электронный дневник влепят, но не в журнал... Первый раз, что ли? Не бойсь, Санёк, прорвёмся!

– А зачем вообще? Ну, в смысле, зачем так с Жабой?

– А потому что – достала! – отчеканил Макс. И глаза у него сделались очень взрослыми и очень грустными.

Последним уроком была литература. Сперва Елеша раздала проверенные сочинения (у Сани оказалось 4/3, запятые его подвели, слишком много он их навтыкал), потом ядовито комментировала особо выдающиеся места. «У панночки были все прелести, кроме хлеба», «Кто кого породил, тот того и убьёт», «Андрей променял Родину и папу на Польшу и любовницу». Но особо досталось второгоднику Куницыну, который то ли решил выпендриться, то ли действительно так думал. «Я считаю, – написал он, – что Тарас Бульба был обыкновенным полевым командиром, типа тех, что на Кавказе нашим солдатам головы резали. И если по-честному, поляки его правильно сожгли, он же был военный преступник и уничтожал мирное население. Если он патриот, то спасибо, я не хочу быть патриотом».

Елеша долго вещала, какое у Куницына узкое и однобокое понимание, и что Гоголь хотел показать, и почему не всем доступно, что он показал, и как нужно учиться, чтобы всё-таки стало доступно.

А когда, наконец, прозвенел звонок и семибэшники радостно повскакивали из-за парт, Елеша со всей дури хлопнула журналом о стол.

– Всем сидеть! Седьмой «б», вас никто не отпускал. Сейчас у нас будет экстраординарное классное собрание! Экстраординарное! – нажала она голосом на звучное слово. – Ну-ка, все сели и быстро успокоились!

Успокоились, но не быстро. «У меня тренировка!» – верещал Мураш. «У меня музыкальная школа!» – ныла Юлька Белецкая, «У меня живот болит!» – наудачу пытался отмазаться Стасик Лагутин. Но всё оказалось бесполезно – Елеша заперла дверь на ключ и оглядела класс взором удава, который размышляет, в каком порядке жрать оцепеневших кроликов. Сане тоже сделалось жутковато, хотя никакой особой вины он за собой не чувствовал.

– Сегодня на уроке истории случилось чрезвычайное происшествие. ЧП! – Елеша нажимала на каждое слово, точно вдавливая пальцем канцелярские кнопки. – Был сорван урок, была доведена до истерики ваша же одноклассница, Лягушкина Елизавета, о чём Тамара Григорьевна и написала официальную докладную на имя директора. Это гнусный, свинский поступок, абсолютно недопустимый в стенах нашей гимназии. Этим поступком наш класс подорвал её престиж! И я вам гарантирую, что по докладной записке будет серьёзное разбирательство. Тамара Григорьевна на ближайшем педсовете поставит вопрос о расформировании нашего класса. Наиболее сильных учеников предполагается слить с «а»-классом, нескольких учеников послабее, но с отличным поведением, перевести в «в»-класс, а остальных отчислить. И мне её предложение пока представляется разумным. Потому что вы ведёте себя не как люди, а как зверёныши, вас нельзя держать вместе.

– Елена Ивановна, а можно выйти? – воспользовавшись крошечной паузой, тут же затряс рукой Петька Репейников. – Мне в туалет надо! Ну правда, надо!

– В туалет пойдёшь, когда мы закончим! – отрезала Елеша. – Знаю я вас, сперва одному туда понадобилось, потом второму, третьему. Перетерпишь! Так вот, я продолжаю. Сегодняшнее ЧП – это последняя капля, переполнившая чашу. В классе давно уже происходит неладное. Вот почему, почему вы все травите Лизу Лягушкину?

Только тут Саня сообразил, что справа от него пусто. Неприятная соседка куда-то делась, и на литературе её вроде не было. И на алгебре... Наверное, как с истории выскочила, так и всё, с концами.

– Лизе пришлось оказывать медицинскую помощь! – точно услышав его мысли, увесисто произнесла классная. – Вы её довели до истерики и обморока! Ну что, что она вам сделала? Лиза – добрая, отзывчивая девочка, практически отличница, участвует в работе школьной газеты, и более того – защищает честь нашей гимназии на разных конкурсах дет-

ского литературного творчества! Не то что некоторые, не умеющие склонять существительные по падежам!

– Елена Ивановна! – потянула руку Даша Снегирёва, – можно сказать?

– Ну, говори, говори, – прищурилась Елеша.

– Да никто её не травит, Лягушкину! – совершенно ангельским голосом зачастила Даша. – Её хоть раз кто-нибудь пальцем тронул? Просто она малость психованная и ей всегда кажется, будто все только и думают, как её прищемить. А никому это не нужно, её обижать. Нормально все к ней относятся! А обмороки у неё потому что переходный возраст! У меня, между прочим, тоже обмороки бывают, но я же ни на кого не бегаю жаловаться! А насчёт того, что было на истории, так это просто у кого-то на улице мобильник... окна же открыты, всё же слышно! Ну вот получилось такое совпадение, а нас-то ругать зачем?

– Сядь, Снегирёва, – цыкнула на неё Елеша, – и не открывай рот, пока не спрашивают. С тобой вообще будет отдельный разговор, у меня есть все основания считать, что именно ты виновата больше других!

Даша, демонстративно пожав плечами, села, но была вся какая-то напряжённая, и казалось, дотронься до неё – долбанёт током в двести двадцать вольт. А то и целых триста восемьдесят.

Зря она вообще вылезла, подумал Саня. Глупое дело, доказывать Елеше, что Жабу никто не гоняет. Он-то сам всего три недели в этом классе, а и то сколько всего увидел.

В голове сами собой стали прокручиваться картинки.

Вот на перемене кто-то пробирается в класс и рисует на доске жабу. Здоровенную, с выпученными глазами, с длинным раздвоенным языком. И даже не просто «кто-то», а понятно кто – Танька Скорнякова, которая занимается в художественной школе. А дежурные делают вид, что ничего такого не заметили.

Вот на биологии тянет руку Макс и голосом примерного ученика спрашивает: «Светлана Викторовна, а мы в этом году будем проходить внутреннее строение жаб?» Лягушкина, само собой, краснеет и бледнеет.

Вот на физике Лягушкина достаёт из своего цветастого рюкзака учебник и тетрадь – и из рюкзака выскакивает белая мышь. Визжат обе. А Саня только отмечает в уме, что в сентябре, наверное, вместо мышей ей жаб совали, а сейчас у жаб спячка и фиг их где достанешь – зато белых мышей можно в любом зоомагазине купить.

Ну и попроще бывало – когда ей цепляли на спину бумажку с надписью «ядовитая жаба», когда обливали её рюкзак жидкостью красного цвета, вроде крови, а на самом деле – разведённая гуашь. А уж крики в спину «Жа-ба! Жа-ба!» – это почти каждый день.

А Елеша, между прочим, не слепая и не совсем дура – уж хотя бы что-то из всего этого замечала. Ну и, понятное дело, сама Жаба ей наверняка плакалась и стучала на врагов. Дашке бы сейчас затаиться и прикинуться веником, а не в контратаку рваться. Всё равно что с кулаками на медведя.

– Так вот, – продолжала меж тем Елеша, – я могу предложить вам более мягкий вариант. Тот человек, который сегодня сорвал историю, который включал эту гадость... кваканье это – пусть этот человек сейчас встанет и сознается. Мы его, конечно, обсудим на педсовете, но с остальных подозрение будет снято. А иначе я просто вынуждена подозревать всех. Ведь включали же эти звуки? Значит, каждый из вас мог сделать. Или кто-то рвётся доказать, что он вне подозрения?

Класс молчал. Ну кому придёт в голову тянуть руку и доказывать, что не верблюд?

И уж тем более никто не желал признаваться в трансляции лягушачьего хора. Точнее, не «никто», а Макс и Даша – Саня был уверен, что идея и исполнение – полностью снегирёвские.

– Молчите? – усмехнулась Елена Ивановна. – Нагадить, значит, смелости хватило, а признаться – нет? Тот, кто это сделал – он ведь сделал пакость не только Тамаре Григорьевне и не только Лизе. Он и вам всем пакость сделал, и продолжает делать, потому что наказаны будут все! По принципу коллективной ответственности!

– Елена Ивановна! – умоляюще взвыл Репейников и вскочил из-за парты. – Ну можно мне в туалет? Ну мне очень-очень надо!

Вид у него был совершенно несчастный.

– Ладно уж, – смягчилась Елеша, отпирая дверь. – Три минуты тебе на всё про всё. Не вернешься через три минуты – у меня будут основания считать, что именно ты виноват!

Благодарный Петька юркнул за дверь.

– Что ж, раз виновник не признаётся, значит, придётся действовать иначе, – выдержав драматическую паузу, продолжила классная. – Придётся на завтра собирать детско-родительское собрание. В девятнадцать ноль-ноль. Должны будут присутствовать ваши родители и, разумеется, вы сами. Соберёмся в актовом зале, в разговоре примет участие Антонина Алексеевна и, может быть, Игорь Васильевич. Он как директор гимназии старается лично отслеживать подобные конфликты. Так что обсудим нашу печальную ситуацию при родителях. Может, они сообща сообразят, какие тут следует принимать меры. Есть ли смысл в сложившихся обстоятельствах сохранять класс, или нам всё же придётся проститься с теми, кто позорит нашу гимназию. В общем, откройте все дневники и запишите: «в четверг, 19 марта, в 19.00 родительское собрание. Явка родителей и детей строго обязательна!». А я, разумеется, продублирую это в ваших электронных дневниках и сделаю контрольный обзвон!

Класс точно дубиной шарахнули. Или одной огромной дубиной всех, или маленькой дубинкой персонально каждого. Такой подставы, как «детско-родительское собрание», никто не ждал.

Саня, понятное дело, расстроился. Что дома будет крик, это стопроцентно. Папа завтра со службы раньше восьми не придёт, здесь без вариантов. Мишку одного оставлять нельзя. Его, наконец, удалось устроить в сад, но сад закрывается в шесть. И что? Тащить его на это идиотское собрание? Даже и думать не хочется, что скажет мама.

Он обвёл взглядом класс. Наверное, все задумались примерно о том же. И Саня догадывался, что лично у него ещё не самый жёсткий вариант.

А потом он посмотрел на Снегирей. Макс сидел совершенно белый, точно вампир-невидимка отсосал сейчас из него пару литров крови. А Даша... С Дашей было хуже. Голова её склонилась к парте, плечи мелко-мелко тряслись, и до слёз остались считанные минуты. Или даже секунды.

Только сейчас Саня сообразил, что ведь ничего не знает о Снегирах – что у них за семья, что за родители. Как-то ни разу об этом не заходил разговор. А мало ли? Снегири – они ведь не как Петька Репейников, у которого глаза на мокром месте. Снегири – сильные ребята, и если уж они в таком ужасе, то предположить можно что угодно. А вдруг, например, их ремнём отлупят? Или что похуже?

И как тут быть? Один раз он Дашу защитил – от озверевших слепых собак... ну, не слепых, но какая разница? Она его рыцарем назвала... в белом плаще... нет, на белом коне.

Как же ему не хотелось этого делать! Даже в кишках стрельнуло болью, а в горле заворочалось что-то жёсткое и колючее.

– Елена Ивановна! – поднялся он из-за парты, – не надо устраивать собрание. Это я один во всём виноват.

Первые слова дались тяжелее всего – точно кирпичи глотать.

– Ты, Лаптев? – удивилась Елеша. – Вот уж от кого я не ожидала! Нет, в это невозможно поверить!

– Это я сделал! – дальше пошло уже легче. – Ну просто по приколу. Вот, убедитесь сами!

Он вынул смартфон, быстро вывел на дисплей нужную запись, нажал – и пронзительное кваканье наполнило кабинет. Словно десятки тысяч невидимых лягушек телепортировались сюда сквозь пространство-время с летнего болота... вроде того, что в километре от дома Овсянниковых.

– Но как же? – слегка запинаясь, произнесла Елеша. – Зачем это тебе?

– А по приколу! – безмятежным голосом повторил Саня, с ужасом представляя последствия. Но, как сказал бы папа, «фарш невозможно повернуть назад». Что сделано, то сделано.

– Что ж, – хмыкнула Елеша, – хорошо хоть что в последний момент у тебя проснулась совесть. В общем, так: завтра к четырём часам чтобы был здесь вместе с отцом. И меня не волнует, как он будет отпрашиваться с работы, это не мои проблемы. Иначе – разбор на педсовете и отчисление из гимназии. Нам здесь хулиганы не нужны!

И тут Саня краем глаза поймал Дашин взгляд. Наверное, так смотрит осуждённый на казнь, с петлёй на шее, когда гонец на взмыленном коне, рассекая толпу, приносит королевский указ о помиловании.

5.

Назад шли молча. Папа шагал быстро, и Сане приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отстать от него. Что обидно, красота вокруг была изумительная – небо совершенно синее, почти совсем без облаков, и солнце заливает всё тёплыми, но ещё не жаркими лучами, и голуби разгуливают по сухому асфальту прямо как у себя дома, а снег наполовину уже стаял, и быстрые ручейки бегут вдоль тротуаров, со звоном исчезая в чёрных решётках стоков. В общем, самая настоящая весна. Сугробы ещё есть, но вовсе не те горы, что неделю назад – а всего лишь чёрно-белые холмики.

А вот будь сейчас слякоть, и ветер в лицо, и огни светофоров едва заметны в тумане – было бы, наверное, легче. Потому что когда на душе темно, то пусть бы уж и вокруг тоже. «Не для меня придёт весна», – вспомнилась ему вдруг строчка из старинной песни, её любил мурлыкать дедушка Коля. Вот уж точно: вся эта окружающая весенняя радость – не для него.

Причём ещё вчера всё казалось не столь ужасным. Когда он пришёл из школы, папа был дома, отсыпался после суток. Маме Саня на всякий случай ничего говорить не стал, и пришлось ждать. Обедать, мыть посуду, идти забирать из детсада Мишку, делать уроки – и всё время думать, как сказать насчёт завтра.

Пообщаться с папой удалось только перед ужином, когда тот, наконец, выполз из их с мамой комнаты на кухню. И пока мама в «детской» читала Мишке вслух «Айболита», он торопливым шёпотом сказал:

– Пап, ты только не пугайся!

– Уже испугался! – сообщил тот. – И?

– Ну, короче, тебя завтра вызывают в школу! – выпалил Саня главное. – Это очень срочно, к четырём часам. Сказали, что никаких отговорок, иначе меня исключат.

– Н-да, вечер перестаёт быть томным, – хмыкнул папа. – А в чём суть вопроса?

Пришлось наскоро сообщить ему то же самое, что и Елеше. Дескать, по приколу скачал в инете лягушачий концерт, по приколу записал на смартфон, по приколу врубил на уроке. И вот теперь...

– Слушай, – папа взглянул на него с интересом, – а как ты это себе представляешь? Это ничего, что у меня вообще-то служба, что я не могу вот так взять и слинять с неё? А если бы это было боевое дежурство? Я товарищу генералу что доложу? Что меня сама Елена Ивановна вызвала? Ну разве не идиотизм?

– Ну папа! – умоляюще протянул Саня. – Ну ведь завтра-то не боевое! Ну попробуй договориться как-нибудь! Я же помню, ты за других дежурил, в Краснодаре, а почему тут за тебя никто не может?

– Потому что тут – это тебе не там! – отрезал папа. – Короче, я наберу пару человек, и если будет такая возможность, сходим, порадуем твою учительницу. Ну а что касается твоих подвигов – сейчас это обсуждать бессмысленно, сперва надо заслушать другую сторону. Хотя даже если всё ровно так, как ты сказал – никаких извиняющих обстоятельств пока не вижу.

...У папы получилось. И ровно в четыре часа они стояли перед Елешей, которая спокойно сидела себе в 42-м кабинете и проверяла тетради.

– День добрый, Елена Ивановна, – очень вежливо произнёс папа. – Вы, кажется, хотели меня видеть? Я отец Александра Лаптева, прибыл по вашей просьбе.

– Здравствуйте, Михаил Александрович! – подняла голову Елеша. – Да, я вас вызвала, и поверьте, дело серьёзное. Секундочку!

Она вынула из сумочки свой мобильный:

– Антонина Алексеевна, тут отец Лаптева подошёл. Хорошо, хорошо, ждём.

Папа вопросительно взглянул.

– Сейчас подойдёт завуч по воспитательной работе, Антонина Алексеевна Лисовская, – пояснила она. – Поскольку случай серьёзный, Антонина Алексеевна, как представитель администрации, тоже решила присутствовать при разговоре.

И действительно, не прошло и минуты, как в кабинете нарисовалась завуч. Коротко кивнула Сане, поздоровалась с папой.

– Итак, – папа решил сделать первый ход, – насколько мне известно, дело в лягушачьем квакании?

Елена Ивановна слегка поморщилась.

– Видите ли, – начала она, – это внешняя канва событий. Так сказать, верхушка айсберга. И возмутительный поступок Саши – это на самом деле вовсе не рядовая мальчишеская шалость. Дело в том, что в классе сложилась нездоровая обстановка... отношения между детьми сложные, и ваш сын, оказавшись в детском коллективе, пошёл на поводу у явно нездоровых сил... И я не уверена, что нам в гимназии нужны такие ученики. Вы же в курсе, наверное, что у нас строгий отбор, что были большие сомнения, подходит ли нам Саша... успеваемость в прежней школе была далеко не идеальной, но нас попросили, и мы пошли навстречу. На ближайшем педсовете нам придётся вновь поставить этот вопрос. В конце концов, в Москве много школ, без образования мальчик в любом случае не останется... а нам не нужно развитие негативных тенденций...

– А нельзя ли конкретнее? – вежливо поинтересовался папа. – Понимаете, я человек простой, образование у меня военное, мне понятнее, когда без всех этих... обтекаемостей.

Саня поморщился. Он очень не любил, когда папа начинал изображать из себя, как выражалась мама, гибрид тупого солдафона с бравым солдатом Швейком. Чужие люди могут ведь и поверить. Но ничего не поделать, была у папы такая привычка.

– А если без обтекаемостей, Михаил Александрович, – включилась завуч, – то диспозиция такова: в седьмом «б» классе есть девочка Лиза Лягушкина. Девочка своеобразная, но очень развитая интеллектуально и творчески... гордость нашей гимназии, кстати сказать... И девочку эту в классе травят, подло и жестоко... и уже довольно давно. К сожалению, тут есть и наша, педагогическая недоработка, но пока дело не выходило за определённые рамки, мы не вмешивались, чтобы не ухудшить ситуацию. Так вот, Саша – мальчик общительный, в новом классе у него быстро появились друзья, и, к сожалению, повлияли на него плохо. Проще говоря, Саша тоже включился в эту травлю, в эти ежедневные издевательства над девочкой. Может, ему хотелось порисоваться перед новыми приятелями, а может, понравилось быть жестоким.

Папа как-то внутренне подобрался, заостенел.

– Так, – медленно произнёс он, – это уже понятнее. А всё же, какие именно факты? Про лягушек на истории я понял. Есть что-то ещё?

– Есть! – подтвердила Елеша. – Две недели назад дети подстерегли Лизу на улице, когда она возвращалась с занятий литературной студии, и устроили за ней погоню, закидывали снежками, обзывали нецензурными словами. И ваш Саша принимал во всём этом самое активное участие.

Ни фигу себе Жаба наврала! – Саня с трудом сдержал возмущённый крик. Не было же никакого мата, просто «Жаба» орали, и ничего другого.

– Простите, – поинтересовался папа, – а каков источник информации? Вы это видели своими глазами? Это вам сообщила сама Лиза?

– Лиза тут не при чём! – поспешно заявила Елеша. – Она вообще никогда не жалуется учителям. Просто были свидетели, и я не думаю, что так уж нужно их сейчас называть.

– Тут есть ещё один существенный момент, – подала голос Антонина Алексеевна. – Как вы, наверное, понимаете, травля в детском коллективе – это чаще всего организованное

явление. Есть распределение ролей, то есть кто-то всё это придумывает, направляет, а кто-то просто исполнитель. Что касается Саши, он явно не организатор – ведь издевательства над девочкой начались задолго до его появления. Саша – исполнитель, но я уверена, что он прекрасно знает, кто организатор. А вот мы этого, честно скажу, пока не знаем, у нас есть только смутные догадки. И вот поэтому мы бы хотели...

– Чтобы он выдал организаторов? – помог ей папа.

Саня стоял и чувствовал себя как жертва инквизиции, которую поджаривают на медленном огне.

– Это слишком упрощённая постановка вопроса, – ничуть не смутилась Антонина Алексеевна. – К сожалению, дети не понимают, что когда они укрывают проступки своих друзей, то не спасают их тем самым, а только причиняют им вред. Дети исходят из своих представлений о справедливости, но это примитивные, детские представления. А мы с вами взрослые люди и понимаем, что есть такое понятие, как благо общества. Поймите, я не требую, чтобы Саша вот прямо сейчас выложил, кто именно организатор травли. Но я хочу, чтобы он знал: пока мы, педагоги, этого не узнаем и не примем соответствующие меры, травля будет продолжаться, и виноват в этом окажется не кто иной, как он.

– Я понимаю, – согласился папа. – Вопрос в другом: а чего именно вы сейчас хотите?

– Хочу, чтобы вы меня услышали и поняли, Михаил Александрович, – Антонина Алексеевна улыбнулась краями губ. – Поймите, без грамотного вмешательства взрослых эта ситуация ничем хорошим не кончится. А что касается Саши, то меня вообще удивляет его роль во всём этом. Поначалу мне показалось, что он мальчик с обострённым чувством справедливости, даже слишком обострённым... Не знаю, в курсе ли вы, но в самые первые дни его здешней учёбы случился конфликт с учителем физкультуры... в котором, признаюсь, больше был виноват сам учитель. И Саша повёл себя как этакий Дон Кихот, кинулся, так сказать, на ветряную мельницу. В этом есть свои подводные камни, и об этом у меня уже был с ним разговор. Но теперь я вижу, что ошибалась. Что тот случай – вовсе не настоящая тяга к справедливости, а просто желание выглядеть героем в глазах сверстников. Мальчик, который душой болеет за справедливость, не стал бы участником травли. Увы, но я разочарована в Саше. Вот, собственно, и всё, что я хотела до вас донести. Что касается оргвыводов, то уважаемая Елена Ивановна несколько сгустила краски. Вопрос об отчислении пока не стоит, к успеваемости Саши особых претензий нет, что касается поведения, то оценка за четверть, разумеется, будет снижена. Просто я прошу вас, проникнетесь серьёзностью ситуации.

Папа проникся стопроцентно. Когда они выходили из школы, он сказал только одну фразу:

– Не представляю, как я теперь смогу тебя уважать.

И всё стало чёрным.

Дома было как за пять минут до грозы. Мама не стала ни о чём спрашивать, только хмуро поглядела на папу. Мишка, наверное, тоже почувствовал электричество в семейной атмосфере – и, схватив любимого рыжего зайца, молча стал запрягать его в грузовик.

– В общем, обычное хулиганство, – изрёк папа. – Сорвали всем классом урок, наш тоже поучаствовал. Так что будем разбираться по-мужски. Ты, Катя, пожалуйста, не вмешивайся. А насчёт оргвыводов не волнуйся, я всё уладил.

Саня рассматривал пол. Не нравился ему этот зеленовато-серый линолеум. Если когда-нибудь у них будет своя квартира, надо бы попросить родителей выбрать расцветку поинтереснее. А ещё он заставлял себя думать о том, какой фильм снял бы на тему «С.Т.А.Л.К.Е.Р.а», какие бы крутые видеоэффекты можно было бы там сделать. Да о чём угодно думать, пусть даже об уравнениях по алгебре – только не о том, что сейчас будет.

– Пошли! – кивнул папа и направился в «детскую». Саня, как на верёвочке, потащился за ним. Конечно, сунулся туда и Мишка, но папа так на него взглянул, что тот без слов, с зайцем и грузовиком удрал к маме на кухню.

– Ты понял, почему я так сказал маме? – спросил папа, плотно закрыв за Мишкой дверь.

– Чтобы она не так сердилась? – предположил Саня.

– Не только в этом дело, – папа рассеянно забарабанил пальцами по спинке стула. – Я не хочу, чтобы она узнала о тебе то, что узнал я. Ей это будет слишком больно. Сын-хулиган – это ещё как-то можно пережить. А сын-садист – это, знаешь ли, уже за гранью.

– Я не садист! – возмущённо вскинулся Саня. – Думаешь, я от всего этого кайф ловил?

– Кайф не кайф, – усмехнулся папа, – но, по крайней мере, тебе не совестно было над девчонкой издеваться.

– Ты бы видел, какая она уродина, – пробубнил Саня и тут же понял, что сморозил глупость.

– О как! – восхитился папа. – Значит, если красивая, то нельзя гнобить, а если уродина – то пожалуйста?

– Я не то хотел сказать, – Саня сейчас больше всего мечтал исчезнуть из вселенной, потому что существовать было слишком стыдно. – Я не в том смысле, что некрасивая. Просто она всех презирает, типа она самая умная, а все остальные на букву «г». И ещё она стучкачка, стучит на всех Елеше... то есть Елене Ивановне.

Папа долго, чуть ли не целую минуту молчал, пристально разглядывая Саню.

– Запомни, сын, – сказал он наконец, – вот есть такое слово «западло». Оно не очень приличное, зато очень точное. Западло – это что нельзя делать никогда, ни в каких обстоятельствах, никому. Так вот, травить людей – это западло. Неважно, умные они, глупые, добрые, злые, красивые, некрасивые... Вот просто нельзя – и всё. Ты меня понял?

Саня горячо закивал.

– Не уверен я, что ты и в самом деле понял, – задумчиво протянул папа. Снова помолчал, потом вздохнул. – А вот чтобы ты и вправду осознал, я тебе расскажу одну историю. Поганую историю. Из моего детства. Даже маме не говорил, а вот раз такие дела пошли, придётся сдаваться.

У Сани что-то заныло внутри, и он, ещё ничего не услышав, вдруг отчётливо понял, что не хочет этого знать. Но не затыкать же уши?

– Я тогда был не шибко старше тебя, – начал папа, – то есть мне было тогда четырнадцать-пятнадцать. И был у нас в классе такой пацан, Олег Стебельков. Странноватый пацан, да. Ни с кем из ребят не корешился, держался как-то отдельно от всех. Но было у него увлечение – астрономия. Занимался в детском астрономическом кружке при дворце пионеров, телескопы мастерил из подручных средств, книжки всякие научные читал. Ну вот, казалось бы, нормальное дело, что плохого-то? А мы всем классом стали его изводить, как только про эту астрономию узнали. Почему-то нам вошло в голову, что это дико смешно. Ну, ясное дело, Звездочётом дразнили, потом дальше больше, по-всякому стали издеваться. Ну вот, например, портфель его крали, а потом подкидывали, только без учебников и тетрадок, а с кирпичами внутри. Типа чем башку всякой научной хренью занимать, лучше подкачался бы. И это долго тянулось, года два. Чем мы старше были, тем больше зверели. Уже и лупить его начали, причём по-подлому, треснуть и отбежать. Звездочёт кинется ловить того, кто ударил, другой ему ногу подставит, он и растянется. Знакомое дело, да?

Саня мрачно кивнул. Не Жабу он сейчас вспомнил – ту всё-таки не лупили, а другое, давнее.

– Ну так вот, – продолжил папа, – Олежка этот в девятом классе влюбился по уши в девчонку из нашего класса, Олю Черниченко. Оле он, конечно, до фонаря был, девчонка смазливая, за ней парни табунами бегали. Но Звездочёт по ней сох, и это, знаешь ли, очень

заметно было. Ну и вот пришла идея кому-то из наших. Короче, на большой перемене, когда завтракали в столовой, мы у него из портфеля физкультурную форму выкрали и резинку на трусах подрезали – так, чтобы слегка держалась, а как чуть больше нагрузка, так и всё. Лихо получилось, одни его внимание отвлекали, другие портфель из общей кучи тырили, а я вот с резинкой поработал. Что смотришь? Я такой же урод был, как и остальные наши, и мне точно так же казалось, что всё это прикольно.

– И что потом? – едва справившись с комком в горле, спросил Саня.

– Плохо потом вышло, – сказал папа. – Последний урок была физкультура, там по канату лазали. Ну и вот когда Звездочёт наш до середины дополз, резинка лопнула – и трусы с него свалились. Короче, прикинь картинку – висит Олежка на канате, трусы на ногах болтаются, и он в одних только цветастых семейках. Ну и ржут все. И, конечно, Оля Черниченко. Даже физрук наш Павел Степанович заржал, он мужик простой был, без интеллигентских тонкостей. Потом, конечно, наорал на нас.

– А Олежка? – Сане было всё больше и больше неуютно.

– А Олежка сполз с каната, убежал в раздевалку, оттуда домой. На другой день в школе его не было. Ну, все решили, что от стыда прячется. А на третий день оказалось, что он выбросился из окна. Десятый этаж, прикинь.

– Насмерть? – выдохнул Саня.

– Насмерть, – жёстко ответил папа. – На похороны никто из нас не ходил, нам наш классный, Игорь Сергеевич, запретил. Сказал, родителям Стебелькова вас видеть не стоит, им только хуже будет от ваших покаянных морд. Вот такая история приключилась, сын. Вот такой грех у меня на совести висит, и ничего уже поделать нельзя.

– А бабушка Таня и дедушка Саша об этом узнали? – зачем-то спросил Саня, хотя глупый был вопрос. Узнали, не узнали, с того света Олежку Стебелькова не вернуть.

– Конечно, узнали, – кивнул папа. – Родительское собрание было, ну то есть и мы, и родители, Сергеич всем мозги чистил, такой типа разбор полётов. Если ты про то, что потом дома было, то выдрали меня крепко, три дня сидеть не мог. Да и половину класса так же. Надо ж как-то реагировать...

Саня вздохнул. Что ж, справедливость так справедливость. Всё по-честному.

– Тогда и меня надо! – решительно сказал он и принялся растёгивать верхнюю пуговицу джинсов. Вечно эта пуговица заедала.

Папа только отмахнулся.

– Не вижу смысла. Слишком большой уже, мозги у тебя и сами работают, без задней передачи.

– Ты же тогда старше был! – заметил Саня.

– Старше, но глупее, – возразил папа. – А ты и без ремня можешь всё понять. И вообще, я вижу, ты решил легко отделаться.

– Это как? – не понял Саня.

– Да элементарно, Ватсон. Типа получил ремня, поорал, размазал слёзы по физиологии... искупил, короче, вину, и теперь чист как стёклышко. А это слишком просто.

– Что же мне делать? – растерялся Саня.

– Думать, – жёстко сказал папа. – Я тебе подсказывать не собираюсь, ты сам во всю эту фигню влез и сам теперь соображай, как вылезать.

Вот он и соображал, глядя, как облизывают потолок отсветы автомобильных фар. Ночь сгустилась над ним, обволакивала вязкой духотой, и ему казалось, что все остальные – и мама с папой в своей комнате, и даже сопящий в трёх метрах от него Мишка находятся в каком-то другом мире, в другой вселенной, для которой он, Саня – всего лишь мелкий электрон внутри какого-то мелкого, никому не нужного атома.

Думать надо было о Жабе, о Снегирях, о том, что будет завтра в классе – но эти мысли, едва вспыхнув, тут же гасли, как спички на ветру. Зато сами собой разматывались другие – о том, что было в Пензе. Точнее, под Пензой, в летнем лагере «Весёлые ручьи», куда его после второго класса отправили набираться здоровья.

...Лучи солнца в глаза, бодрый голос горна – не настоящий, конечно, трансляция по радио. Снилось что-то хорошее, но уже никак не вспомнить. Пора откинуть одеяло и бежать на зарядку – физрук Антон Глебович опоздавших не любит.

Но тут же он понял, что откинуть одеяло никак нельзя, ни при каких обстоятельствах. Потому что – мокро.

Да, водилось за ним раньше такое, с детского сада ещё. Мама нервничала, таскала по врачам, те говорили что-то успокоительное и выписывали таблетки. Вроде бы помогло – больше года не случалось. А тут вдруг, по закону подростки...

Остальные уже повскакивали с постелей, понеслись табуном в конец коридора, в туалет. А он стиснул одеяло у подбородка и с каждой секундой всё глубже погружался в свой позор. Казалось, хуже просто быть не может.

Как же он ошибался! На пороге возник вожатый Серёжа, огромный как медведь, в чёрной майке с портретами битлов.

– Так, так! На зарядочку, живее! Это кто у нас тут сачкует? А тебе что, Лаптев, отдельное приглашение требуется? Ну-ка, вставай!

Самое ужасное, что не все ещё успели выбежать из палаты – и потому с жадным любопытством наблюдали происходящее. Вернее, самое ужасное – что среди этих наблюдающих был ни кто иной, как Колян Сырников из его класса! Вот уж везение так везение... Чисто случайно его отправили в тот же лагерь и на ту же смену. И мало того, что в одном отряде с ним оказались – так ещё и в одной палате!

Серёжа был человеком решительным и не привык церемониться с ленивыми заспанными третьеклассниками. Подошёл, рывком сдёрнул одеяло – где уж было удержать! – и пристально всмотрелся в открывшуюся картину.

– Ни фиги себе! – выдержав драматическую паузу, изрёк он, – да тут целое море! – И что-то, видно, перемкнуло в его студенческих мозгах, провернулись там какие-то колёсики и шестерёнки, потому что добавил: – Море Лаптевых! Вернее, Лаптева.

– Море Лаптева! – восторженно взвизгнул Сырников. Остальные подхватили. И понеслось... Солнце тогда показалось Сане чёрным.

И оно ещё долго было чёрным. Ладно лагерь – до конца смены оставалась всего неделя. Но осенью-то, в городе, весь третий «а» с помощью Коляна совершил географическое открытие – обнаружил в своём родном коллективе Море Лаптева. Восторгу было немерено, а уж как пыжился Колян... Раньше он был никто, серенький троечник, а теперь – первооткрыватель!

Конечно, дома Саня ничего говорить не стал. Не хватало ещё, чтобы мама отправилась устраивать разборки с учительницей Верой Петровной! Дома даже и пореветь было невозможно – на фоне того рёва, что ежедневно устраивал мелкий Мишка, не хватало ещё самому пускать сырость. Поэтому реветь он уходил в укромные места, благо их в окрестностях хватало.

Укромный рёв продолжался почти до Нового года, а потом Саня понял, что дальше так жить нельзя. Что-то надо делать, иначе из человека превратишься в мешок со слезами. Тогда он подошёл к папе и сказал:

– Слушай, мне надо научиться драться. Ну очень надо, понимаешь? Ты можешь меня ни о чём не спрашивать, а просто научить?

– Легко, – согласился папа. – То есть это мне будет легко, а тебе – трудно. Ты твёрдо решил?

Куда уж твёрже! Пришлось пойти на всё – и на зарядку рано утром, и на бег вокруг дома, и даже на мучительный холодный душ после... по сравнению с душем упражнения на растяжку казались цветочками.

В апреле с ним уже не рисковали связываться в открытую – научился и держать удар, и бить самому. В мае прекратились и возгласы «Море Лаптева» – потому что за каждый такой крик лупил он конкретно Коляна, который, как прекрасно понимал Саня, дирижировал оркестром третьего «а».

– Был такой прекрасный тихий мальчик! – сокрушалась Вера Петровна, – а сделался драчун и хулиган!

– Человек должен уметь за себя постоять, – возражал ей вызванный в школу папа, – и раз уж вы, классный руководитель, допустили в детском коллективе неуставные отношения, то не удивляйтесь, что дети защищаются как могут.

А на тройку по поведению было наплевать – всё равно они летом переехали в Краснодар, где папа сразу записал Саню в секцию дзюдо. Море Лаптева высохло, почти три года не вспоминалось.

Теперь вот расплескалось в памяти, рассвирепело, бурные волны со всей дури лупили в каменную стену, пытаясь откусить берег. Стена их кое-как сдерживала.

Он отбросил одеяло, сел на диване. Сквозь тонкую занавеску просвечивала яркая луна, и свет её, растёкшийся по полу, казался инеем на траве. Саня видел такой в прошлом сентябре, когда они с папой ездили в Семиполье к Овсянниковым, помогали собирать яблоки.

Ему ведь куда легче, чем Жабе – внезапно пришла мысль. Он-то всё-таки пацан, его гнобили, он отвечал кулаками, гнобить перестали. А она – девчонка, ей драться как-то глупо было бы. Да и бесполезно. Всё равно же у неё не получится так, чтобы её боялись. Ну врежет она, к примеру, Максу Снегирёву кулаком по спине. И что? Макс только посмеётся. Вот если бы с ноги, да в челюсть...

Представлять, как жирная Жаба задирает пухлую ногу и достаёт до снегирёвской челюсти, было смешно. Но как-то не по-хорошему смешно. Ясно же, что никогда Лягушкина себя не защитит, и все так и будут её гонять, пока... Интересно, на каком она этаже живёт?

И что тогда? Что, если? Как тогда он, Саня, сможет жить? Как сможет смеяться, играть с Мишкой в Маугли, изображая Шер-Хана и Багиру? Как он будет монтировать видеоклипы и сочинять сценарий крутого фантастического боевика? Как он сможет читать книжки про всякие приключения, про Гарри Поттера и про Иных? Где-то на кладбище поставят могильный камень – и будет этот камень давить ему, Сане, на душу.

А как же папа живёт? – тут же возразил он себе. – Ведь и смеётся, и в футбол играет, и маму на руках носит. Значит, всё-таки после такого можно жить? Или это не совсем настоящая жизнь, а чуть-чуть понарошку?

Ещё он подумал, что зря всё-таки папа счёл его слишком взрослым для ремня. Сейчас тоже было бы больно, но не в душе, а совсем в другом месте. Та боль проходит быстро, а вот эта...

По крайней мере, одно ясно – с Жабой не должно получиться так же, как с Олешкой Стебельковым. Значит, надо что-то ради Жабы сделать. Хоть она и противная.

6.

Первым уроком была геометрия, а значит, можно расслабиться. Маргарита Ильинична уже выставила четвертные оценки и, значит, никакими самостоятельными и контрольными мучить не станет. Она вообще не любила мучить, выгодно отличаясь этим от Ирины Игоревны, математички в краснодарской школе. Та держала всех в кулаке, а эта... Ильиничне бы пирожки печь да детские песенки петь, а не теорему о смежном угле разъяснять. Слишком добрая, а с семибэшниками это не прокатывает.

Саня вошёл в класс одним из последних, за три минуты до звонка. И первое, что увидел – это жабу. Не с большой буквы, то есть Лягушкину, а с маленькой. Жаба с маленькой буквы, нарисованная мелом во всю доску, сжимала в когтистых лапках молоточек. Вид у неё был одновременно и злобный, и жалкий. Всё-таки, что ни говори, а у Таньки Скорняковой настоящий талант.

Что касается Жабы с большой буквы, то она невозмутимо сидела на своём месте, что-то чиркала в тетради и на доску обращала ноль внимания.

Что ж, подумал Саня, надо же начинать когда-то новую жизнь. Почему не сейчас?

Бросив на стул рядом с Жабой свой рюкзак, он не слишком торопясь подошёл к доске, взял тряпку и аккуратно стёр рисунок. Пока стирал, чувствовал затылком колючие глаза семибэшников. Обернулся к классу.

Вот с недоумением смотрит на него Макс. Вот Витька Князев вылупился на него как на сошедшего с экрана человека-паука. Вот прищурился второгодник Куницын, который сам по себе. А вот остолбенела Даша. Чёрные ресницы поднялись и застыли, тонкие пальцы с накрашенными ногтями тискают шариковую ручку, верхняя губа чуть поднялась и видны ослепительно белые, прямо как в рекламе, зубы.

– Теперь будет так, – объяснил Саня. – Потому что есть такое слово: запаadlo.

И не успел никто ничего сказать, как в класс вплыла Ильинична.

– Ой, доску протёрли? Ну надо же, какие молодцы! Здравствуйте, дети! Садитесь. Ты тоже садись, Саша. Сегодня у нас последний урок геометрии в этой четверти, давайте кратенько вспомним всё, что изучали. Вот кто мне назовёт признаки равенства треугольников?

Весь урок Саня старательно изображал, что ни о чём, кроме треугольников, не думает. А что колотится сердце и звенит в ушах – так это ж никому, кроме него, не видно.

На перемене к нему подошёл Макс.

– Вот что, Лаптев, поговорить надо!

О как! Уже не Санёк, уже по фамилии!

– Ну, раз надо, говори, – опёрся он на подоконник.

– Я конкретно не понял, ты с дуба рухнул или что? – глаза у Макса были как тучи, из которых вот-вот полетят молнии. – Ты ж с нами был, как все! Ты ж круто всё делал, типа вызываю огонь на себя и всё такое. Это из-за чего? Из-за того, что отца вчера вызывали?

Саня мысленно сосчитал до пяти. Полезная штучка, папа научил.

– Макс, ну просто запаadlo человека травить. Раньше до меня не доходило, а сейчас дошло, – стараясь говорить как можно спокойнее, начал объяснять он. – Гадство это.

– То человека, а то Жабу! – вспыхнул Макс. – Тебе ж сто раз говорили, какая она. И стукачка, и подлиза, и плевать ей на всех.

– Да мне по барабану, какая она! – чуть громче, чем собирался, возразил Саня. – Всё равно так нельзя. Ну ладно, я понимаю, когда бойкот. Даже морду набить за стукачество – тоже понимаю, хотя не девчонке же. Но подлянки-то зачем?

Макс посмотрел на него пристально, задумался на миг.

– Ты что, втюрился в неё? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Я? В неё? Нет, это ты с дуба рухнул! – невесело рассмеялся Саня. – На фиг она мне сдалась? Жаба и есть Жаба! Но издеваться над ней я больше не буду и другим не дам!

Видела бы это мама, непременно сказала бы что-то насчёт сжигания за собой мостов. Поэтому в голове сразу нарисовалась картинка: дощатый мост облили бензином, кинули горящую спичку и убежали подальше. Пламя, сперва почти бесцветное, а после рыжее, с удовольствием лижет сухие доски, низко стелется чёрный дым... и вот уже посреди моста пылает здоровенный костёр, пламя гудит, опорные столбы трещат, горящие балки летят вниз, в серые волны, и раздаётся мощный «пш-ш-ш».

– Интересно, а как это ты не дашь? – насмешливо прищурился Макс.

– Вот так и не дам! – Саня сжал кулак и для доходчивости поднёс его прямо к Максому носу. – Думаешь, я только в компьютере монстров гасить умею?

– Зря ты это, – Макс, похоже, ничуть не впечатлился. – Не советую против коллектива идти. Знаешь, если ты на коллектив плюнешь, коллектив утрётся, а если коллектив плюнет на тебя, ты утонешь.

– Ну, это мы ещё посмотрим, кто утонет, – заметил Саня. – Всё сказал? Тогда дай пройти.

И спустя несколько шагов, всё-таки не выдержал, обернулся. Макс глядел ему вслед, и глядел как-то странно. Даже без особой злобы, а так... с грустью и разочарованием. Как на дорогую японскую видеокамеру, которая оказалась дешёвой китайской подделкой. В Краснодаре папин сослуживец, дядя Юра, так вот влетел, купил на улице с рук, а после долго жаловался на свою невезучесть.

На русском сбылась, наконец, давняя Санина мечта. Поздоровавшись с классом, Елеша распорядилась:

– Так, Лаптев и Репейников, поменялись местами! Живее, живее! Тебя, Лаптев, с девочками сажать опасно, позавчера ты это продемонстрировал. Кто знает, какой ещё гадости от тебя ждать?

Конечно, Саня обрадовался. Но и обиделся: уж теперь-то для Жабы нет более безопасного соседа, чем он. И нечего поминать старое! Но вслух, конечно, ничего не сказал: вдруг Елеша согласится и отменит своё решение.

Впрочем, сидеть теперь предстояло не с кем иным, как с Максом. Который ему уже больше часа враг. «Шило на мыло», сказала бы мама. А баба Люда уточнила бы: ржавое шило на тонкое мыло.

Репейников с явной неохотой перетащился к Жабе. Макс демонстрировал полнейший пофигизм. Даша обернулась, и взгляд её был непонятный – как у Моны Лизы на картине Леонардо да Винчи.

Потом Елеша долго распиналась, что скоро конец четверти и что успеваемость в классе оставляет желать, а значит, на педсовете всё-таки может встать вопрос о расформировании, и как это будет плохо для всех, а особенно – для лентяев, коих в седьмом «б» добрая половина.

– Или злая, – шепнул сзади второгодник Куницын. Теперь до него было всего две парты.

Елеша предпочла не услышать и начала вещать дальше – что на предстоящих каникулах отдых должен быть осмысленным, а значит, надо участвовать в школьных мероприятиях, график которых завтра уже будет вывешен на доске объявлений. А кто не будет на мероприятия ходить – тот не патриот гимназии, а значит, первый кандидат на отчисление.

Потом она с какого-то перепугу стала объяснять тему про то, как пишутся «ни» и «не», хотя сама же заявила, что это материал четвёртой четверти. Из её слов выходило, что те, кто не делает уроки, не участвует в общественной жизни, не уважает школьные традиции, ничего

не добьётся в жизни – то есть *не* станет *ни* высокооплачиваемым специалистом, *ни* представителем творческой интеллигенции, *ни* даже в дворники такого неудачника *не* возьмут.

– Само собой, – вновь прокомментировал Куницын. – В дворники только мигрантов берут. Москвичам фиг.

– Куницын, ещё одна подобная реплика – и будешь объясняться с Антониной Алексеевой, – пригрозила Елеша. – Заодно и выяснится, где ты всего такого понахватался.

Гоша только зевнул.

А когда после седьмого урока семибэшники спустились в раздевалку, к Сане вновь подошёл Макс – но ничего говорить не стал, а просто вручил сложенный конвертиком листок, после чего направился за своей курткой.

На тетрадном листочке в клеточку значилось красным фломастером «УЛЬТИМАТУМ», а ниже – аккуратно бегущие чёрные строчки:

«Лаптев, не надо идти против коллектива. Вечером извинись во вконтакте. Иначе будешь как Жаба».

И незатейливая подпись: «7-б».

Хорошо хоть, уроков на завтра не было. Завтра ведь последний день четверти, не кот начихал. Радоваться надо, десять дней свободы! Можно спать до сколько хочешь, можно бродить по московским улицам, осваивать новые пространства – за три недели на это почти не было времени – и, кстати, поснимать на улицах всякое такое. Потом смонтировать прикольный ролик – Саня даже название придумал: «Москва глазами пришельца». Пришелец – это, ясное дело, он. Нигде не свой, все его дома – временные, квартиры – съёмные. Прямо получается Межзвёздный Скиталец – если, конечно, считать города звёздами. А почему нет, кстати? Прикольно было бы. Ладно, пусть Москва – это Солнце, столица всё ж таки. А тогда Кемерово – Сириус, Пенза – альфа Центавра, Саратов – тау Кита, Краснодар... Для Краснодара сходу не придумалось, Саня исчерпал запас известных ему из фантастики звёзд. Вот тот пацан, Олежек Стебельков, наверное, назвал бы ему сейчас десятки, сотни звёздных имён. Но нет на свете никакого Олежки, а есть только память о нём, и не такая, как о бабе Люде, а едкая, обжигающая... даже тех, кто узнал про него через двадцать два года.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Саня врубил «С.Т.А.Л.К.Е.Р» – давно ему хотелось проверить, получится ли разобраться с бандитами в Тёмной Долине, имея из оружия только дробовик. Правда, с огромным запасом патронов. Ну и бронежилет пусть будет наилучший, то есть долговский экзоскелет. Получилось не очень – и виной тому даже не плохая прицельность дробовика, а что он медленно перезаряжается. Бандиты ждать не хотели.

Расстроенный и этой неудачей, Саня закрыл игру и полез в интернет. Хотелось умного и полезного – например, скачать какие-нибудь видеоуроки по монтажным программам. Ну и, конечно, вконтактик посмотреть, нет ли сообщений от краснодарских друзей Лёхи и Женьки.

От них ничего не было, и это тоже подлило две чёрные капли в Санино настроение. Зато мигало и свиристело другое: Даша Снегирёва, называвшаяся в сети Багирой (и тут он угадал!), кинула сообщение: «Ну ты что тупишь? Решил чего-то?»

Можно подумать, что она собирается списать контрошу по алгебре!

Будь у его души зубы, они бы сейчас болели. Пускай не так, когда лезешь на стенку и готов на всё – даже на визит к стоматологу, а когда просто тянет и ноет, и мучительно размышляешь: сознаваться маме или само пройдёт?

Можно, конечно, было и не отвечать, но всё-таки он ответил:

«Я всё уже сказал. Отстаньте от Жобы!»

И тут же (быстрые, видать, у Даши пальцы) пришёл ответ:

«Ну ты сам напросился. Тогда бойкот!»

Лучше всего было бы промолчать, бойкот так бойкот, но всё же он отправил сообщение:

«Да плевать мне с высокой колокольни на все ваши ультиматумы и бойкоты!»

Даша немедленно написала:

«Ты что, влюбился в неё? В уродину?»

На это отвечать уж точно не стоило, но Даша, как выяснилось, и не нуждалась в ответе. Тут же она прислала картинку – вроде как иллюстрация к сказке про Царевну-Лягушку, но ни в одной детской книжке такой картинке Саня не видел. Тут Иван-Царевич взасос целовался с лягушкой размером с него самого, а главное, вместо головы царевича была его же, Санина фотка-аватарка, а у огромной лягушки – голова Лизы Лягушкиной. Кто рисовал, было понятно: юное дарование Танька Скорнякова. Видать, отработала точный заказ. А уж вставить вместо одних голов другие мог кто угодно, это одной левой делается.

Одной левой – но не за одну секунду. Значит, когда Даша спрашивала, надумал ли он просить прощения, у неё уже имелась заготовочка? Значит, заранее хотела ужалить?

Что ж, ужалила так ужалила. Прямо кобра какая-то, а не пантера. Всё-таки правильно тогда Жаба написала: «Здесь обезьяны, хищники и змеи». Змея вот уже проявилась, а скоро, значит, придёт очередь хищников и обезьян.

Значит, всё повторится, и здесь тоже будет как в Пензе.

«Понравилась картинка?» – поинтересовалась Даша.

А через несколько секунд опять картинка:

«ПРЕДАТЕЛЬ!»

Буквы огромные, ядовито-жёлтые на чёрном фоне, извиваются языками пламени. Тоже, значит, заранее заготовила. Всё у них, у Снегирей, продумано!

...Ему казалось, что полночи не уснёт, будет маяться мыслями про школу, Жабу, ультиматум – но почему-то сразу провалился в сон. Как в болотную трясику. Вот так идёшь себе, идёшь, собираешь ягоды в корзинку, и солнце пробивается сквозь высокие кроны сосен, а потом как-то незаметно сосны сменяются ёлками и берёзами, под ногами начинает хлюпать, а трава всё выше и гуще, но это ещё не болото, а так, предболотье, и ты думаешь, что никакого болота вообще нет, что сейчас вся эта сырость кончится. И действительно, впереди чудесная полянка, в невысокой траве посверкивают ягоды брусники, и тебя захлёстывает жадностью, ты бежишь к этим краснобоким ягодам, но не добегаешь – проваливаешься сперва по колено, затем по пояс, трепыхаешься, орёшь – и вот ты уже по грудь в холодной, вязкой жиже, от которой пронзительно пахнет гнилью, а над головой твоей вьются комары, прицеливаются, куда бы вонзиться, а ты понимаешь, что больше уже не напишешь ни одного диктанта и ни одной контрольной.

И не слишком удивляешься, когда впереди, на расстоянии вытянутой руки, появляется Жаба. Она сейчас в точности как на скорняковской картинке, зелёная вся, пупырчатая, иухмылка до ушей, а на голове – маленькая золотая корона.

– Ты стрелял? – квакает Жаба и протягивает к нему перепончатую лапу. В лапе – горсточка патронов «жакан», которые так эффективны против гражданских зомби из «С.Т.А.Л.К.Е.Р. а».

– Ну, я, – отвечаешь ты и вытягиваешь руки, чтобы подольше продержаться на поверхности.

– А зря, – поясняет Жаба. – Они же не злые, эти зомбики, а просто глупые, и от них легко убежать. У меня же получается!

– Больше не получится, – у Даши Снегирёвой смех как цветные стёклышки в Мишкином калейдоскопе, такой же затейливо-радужный. А сама Даша стоит напротив Жабы и одета совсем по-летнему – коротенькие белые шорты, фиолетовый топик. Её коса расплетена, густые чёрные волосы раскинулись по спине, руки и ноги покрыты настоящим морским загаром, а вот лицо почему-то бледное. В руках у неё дробовик SPAS-12, и дуло нацелено Жабе в живот.

– Жить хочешь? – спрашивает Даша, и не совсем понятно, у него или у Жабы. – Тогда попроси прощения во вконтакте. Тебе же говорили, что если коллектив на тебя плюнет, ты утонешь. Ну вот ты и тонешь, Лаптев.

Что ей отвечать, совершенно непонятно. Но вместо тебя отвечает Жаба, только не словами. Она разевает пасть, оттуда вымётывается стремительный чёрный язык, обвивается вокруг ствола дробовика, выдёргивает его из Дашиных рук, отшвыривает в сторону. SPAS-12, булькая, уходит в глубину.

– Вот теперь поговорим, – квакает Жаба. – Ты ж сама сказала, что он будет как я. Значит, у него отрастут жабры и он сможет жить под водой. А вот ты – просто человек, и тебе тут не место.

При этих её словах сила, державшая Дашу на поверхности, исчезает, и та медленно начинает погружаться в трясины. По щиколотку, по колено... Голубые Дашины глаза наполняются слезами, лицо дёргается, она начинает всхлипывать, потом ревет в голос, плечи трясутся, и складка на фиолетовом топике трясётся в такт плечам.

Тебе становится безумно жалко её – и ты делаешь отчаянное усилие, воображаешь себя ракетой, и ракета получает команду на старт, бьёт белое пламя из серебристых дюз, ракета сперва медленно-медленно, а потом всё быстрее поднимается из шахты, вонючая трясины шипит по-змеиному и испаряется, над облаком пара встаёт в полнеба радуга, а под радугой – заплаканное и такое родное лицо Даши. Ты касаешься ладонью её волос, и...

И просыпаешься в полутьме, видишь зеленоватое сияние часов, слышишь сонное дыхание Мишки, ощущаешь мягкое дуновение ветра из открытой форточкой. Пытаешься вспомнить, что сейчас было, но не можешь, остаётся только отсвет чего-то ужасно стыдного и ужасно радостного. Причём и то, и то – одновременно.

Первое, что он увидел на доске – это картинку с Царевной-Лягушкой, только сейчас вместо Ивана-Царевича она целовалась с огромным, в её рост, крестьянским лаптем. Справа от картинки печатными буквами зияло слово «БОЙКОТ».

Первое, что захотелось сделать – это от души врезать Таньке Скорняковой мокрой тряпкой. По лицу. Пришлось быстренько сосчитать в уме до пяти, это кое-как помогло. Затем пришла мысль взять тряпку и молча, как вчера, стереть рисунок. Но тут же понял: именно этого от него и ждут! Он будет стирать их художества, а они – мерзко хихикать: получилось! Достали!

Саня не спеша оглядел класс – и не увидел ничего интересного. Если кто и смотрел на него – то пустыми, скучными глазами, а большинство было занято перелистыванием учебников, раскопками в рюкзаках, переключиванием ручек и карандашей. Ну прямо образцовые ученики, стопроцентная готовность к уроку!

Ни Даша, ни Макс в его сторону не смотрели. Пантера Даша играла с телефоном, её братец-леопард что-то быстро писал в тетради. Саня подумал, что они оба слишком уж старательно показывают, будто не имеют ни малейшего отношения к рисунку на доске.

В класс величественно вплыла Ильинична, осмотрелась, покачала головой и велела дежурным стереть. Дежурившая сегодня Ленка Балабанова не спеша поднялась, вышла к доске и медленно-медленно принялась приводить её в порядок. Причём сперва она стёрла Жабу, потом – лапот, и в последнюю очередь – слово «бойкот».

– Что-то вы, похоже, расшалились, – заметила кроткая Ильинична. – Это что, приближение каникул так действует? Но не расслабляйтесь, сегодня у нас будет полноценный урок, поупражняемся в решении линейных уравнений, они вам всегда в жизни пригодятся...

Следующим уроком была история. Тамара Григорьевна сегодня совсем не истерила – видно, приближение каникул и на неё действовало благотворно. Вместо того, чтобы мучить семибэшников повторением, она стала пересказывать классу фантастический роман, как

современный московский школьник провалился в дыру во времени и очутился в средних веках, а там ему пришлось поучаствовать в детском крестовом походе, и наш пацан всем местным дал шороху!

– Что тебе, Щеглова? – недовольно произнесла историчка, заметив протянутую руку. – Выйти?

– Нет, у меня вопрос! – Анька Щеглова качнула своей пышной блондинистой причёской. – Насчёт быта европейских крестьян. Вот на Руси в то время носили лапти, а в Европе? У кого не было денег на сапоги, они в чём ходили? В лаптях или босиком?

– Хм, Щеглова, – озадачилась Тамара Григорьевна. – Так вот даже сходу и не соображу, это надо литературу поднимать. Но вообще, я думаю, вряд ли лапти – это исключительно русское изобретение. Деревья-то всюду одни и те же росли, значит, и кора... я только вот не помню, из какой коры лапти плели, из берёзовой или из липовой...

И совершенно не поняла, почему так ухмыляется класс, а отдельные личности вроде Мураша залиvisto ржут.

Зато Саня всё превосходно понимал. Бойкот по-московски – это не когда тебя просто не замечают. Это когда тебе мелко пакостят, а ты ничего не можешь сделать. Ну вот что ты сейчас сделаешь? Вскочишь, заорёшь матерно? Выбежишь в слезах из класса? Так именно этого от тебя и ждут. Врезать Щегловой? А за что? Девочка всего лишь вопросик задала, и даже вроде как по истории. И вообще – девочка.

Затем был русский. Елеша разрешила положить рюкзаки, а потом, велев дежурным проветрить помещение, выгнала всех из класса на перемену. Дождалась, когда семибэшники выползут в рекреацию, заперла кабинет на ключ и удалилась в учительскую.

На перемене семибэшники не удостоили Саню своим вниманием. Зато подскочил Димон Сальников из седьмого «а». Мелкий такой пацан, дурашливый, но вроде безобидный.

– Слышь, Лаптев, – зачастил он, – мне тут сказали, что ты супер по первому сталкеру, всех там только так гоняешь. Я вот недавно поставил, у меня трабл полнейший, может, посоветуешь?

– Ну, в чём у тебя трабл? – снисходительно произнёс Саня.

– Да понимаешь, я с бандитами в Тёмной Долине разобрался, в лабораторию вошёл, даже псевдогиганта гранатами завалил, а вот дальше ничего не получается, там летает какая-то огненная хрень и жжётся... какая-то аномалия особая, по ходу.

Саня слегка удивился. Не самому вопросу, а что у этих москвичей, таких вроде бы продвинутых, в моде довольно старая игрушка, появившаяся, когда они все ещё в первый раз в первый класс пошли. Ну ладно он... ладно Петька Репейников... но ещё и этот перец... Всех, что ли, на ретро потянуло?

– Да всё элементарно, Димон, – дал он консультацию. – Это не аномалия, это монстр такой, называется «огненный полтергейст». Его нужно просто валить из автомата, он и не особо мощный, одного рожка хватает, если точно бить. И всё, он сдохнет и потухнет, и иди документы брать. Только учти, когда выходить будешь, там до хранища солдат, их поодиночке бить надо, осторожненько так. Лучше сразу на крышу прорывайся и оттуда отстреливай, если оптика есть...

– Спасибо! – Сальников хлопнул его по плечу и убежал к своему классу. И тут же заверещал звонок.

В классе обнаружилось, что рюкзака нет. Вот нет – и всё. И ведь, главное, Саня прекрасно помнил, как положил его на стул, рядом с цветастым рюкзаком Макса. Снегирёвский – вот он, как ни в чём не бывало торчит, а Саниного синего, в белую полоску, нет. Под партой тоже нет, и вообще нигде.

– Здравствуйтесь, класс! – холодно произнесла Елеша. – Садитесь. Сегодня у нас последний урок в этой четверти, вы уже все настроились на каникулы, на классном часе получите

свои дневники с оценками. Но чтобы не расслаблялись – придётся поработать. Открывайте учебники, какой кто вариант, вы помните. Доставайте листочки для самостоятельных, первый вариант делает вот такие упражнения, – написала он номера на доске, – второй вариант – вот такие. Оценки пойдут уже в четвёртую четверть.

Да уж, подумал Саня, это тебе не история, тут, если программа пройдена, рассказывать интересное не будут. Елеша найдёт, куда припахать. Папа сказал бы – настоящий командир. Потому что у настоящего командира солдаты всегда делом заняты. Правда, иногда совершенно бесполезным.

– Саша Лаптев, – а тебе что, особое приглашение нужно? – остановилась возле него Елеша. – Ты почему ничего не достал?

– Извините, Елена Ивановна, – вылез он из-за парты, – у меня куда-то рюкзак делся.

– Издеваешься? – в упор спросила Елеша. – Ваньку валяешь? Что значит «делся»?

– Ну я как и все положил его на стул, – терпеливо объяснил Саня, – потом мы вышли в коридор, вы заперли дверь. А сейчас оказалось, что он куда-то делся, рюкзак то есть.

– Из запертого кабинета? – ехидно поинтересовалась Елеша. – Может, ты перегрелся на весеннем солнышке?

– Да не было у него вообще никакого рюкзака! – пропищал Мураш. – Он сегодня в школу без ничего пришёл!

– Ты что, псих? – вскинулся Саня, но Муравьёв сделал совершенно невинные глаза.

– Лаптев, не отнимай время у всего класса, – заявила Елеша. – С рюкзаком своим сам разбирайся. А сейчас я пожертвую тебе листочек, учебник у вас со Снегирёвым будет один на двоих. Всё равно варианты разные. Работайте, время пошло!

Конечно, Саня не об упражнениях думал, а об исчезнувшем рюкзаке. Кто мог его взять, если класс реально заперли? А что заперли, никаких сомнений быть не может, он своими глазами видел, как проворачивала Елеша ключ в замке. Что, рюкзак в четвёртое измерение провалился? В дыру во времени, как пацан из той фантастики? И сейчас его потрошат рыцари и бароны двенадцатого века, пытаются понять, для чего все эти штучки...

Когда, наконец, раздался звонок, Саня одним из первых сдал свой листочек (не до проверки, и плевать, что потом выставят), выскочил в коридор. Что теперь делать? Позвонить маме, обрадовать? Так ведь – сообразил он – смартфон остался в кармане рюкзака. Стало совсем уж тоскливо. Сколько там было фоток, сколько музыки... и вся телефонная книга, между прочим. В том числе номера краснодарских друзей...

– Посмотри под окнами, – тихонько раздалось над ухом. Саня поднял голову – и ошеломился. Рядом стояла Жаба. Не то чтобы он никогда не слышал её голос – на уроках-то она отвечала часто – но вот к нему обращалась впервые.

– Чего? – переспросил он.

– Под окнами кабинета, – так же тихо повторила она. – И вообще, привыкай терпеть. С ними бодаться – только хуже будет.

И сейчас же отошла.

Конечно, Саня рванул по лестнице вниз со скоростью ракеты. Причём не только-только стартовавшей, а уже отбросившей первую ступень и вышедшей на околоземную орбиту.

Внизу, правда, возникло препятствие в виде нового охранника, тощего и скучного Павла Викторовича. Тот категорически отказался выпускать на улицу семиклассника Лаптева – даже на одну минуточку. Никаких минуточек, потому что правила есть правила. Либо записка от учителя, либо родители, либо жди конца уроков. Саня уже готов был орать: «Нарушение прав человека!» «Тут вам не тюрьма!» и всё такое.

Но орать не пришлось. Павел Викторович вдруг как-то быстро сдулся, проворчал: «Ладно, но только на одну минутку» – и уткнулся в недорешенный кроссворд.

Минутки хватило. Саня резво обежал здание школы по периметру – и прямо под окнами 42-го кабинета обнаружил свой рюкзак. Тот угодил на грудь смёрзшегося чёрного не то льда, не то снега, заляпался грязью – но всё-таки был тут, в этом мире, а не у любопытствующих баронов и герцогов!

Схватив рюкзак, Саня помчался обратно, на бегу бросил охраннику «Спасибо!» – и, финишировав возле кабинета физики, которая вот-вот должна была начаться, первым делом полез в карман, где лежал смартфон.

Есть всё-таки в жизни счастье! Чёрная коробочка ничуть не пострадала, экран не змеился трещинами, всё включилось, появилась привычная заставка... Что ж, одной бедой меньше. Правда, оставшиеся никуда не делись. А уж предстоящие...

Спиной он уловил чей-то тяжёлый, как отбойный молоток, взгляд, резко повернулся. Ну так и есть! Макс Снегирёв поспешно отвернулся, привалился спиной к стене – типа отдыхает, но Саня успел заметить кривую улыбочку на его лице.

Что ж, значит, будем действовать как в Пензе.

Саня шагнул к Максy, сгрёб его за лацканы форменного школьного пиджака, резко рванул на себя – и сразу же толкнул вперёд, чтобы снегирёвский затылок впечатался в стену.

– Имей в виду, – негромко, но отчётливо шепнул он, – за каждую такую подлянку будешь получать люлей. Мне по барабану, кто спёр, ежу понятно, что ты всем этим рулишь.

Макс молча отпихнул Саню. Вернее, попытался отпихнуть, но тот держал его крепко, прижимая к окрашенной в бледно-салатовый цвет стенке.

– Пусти, урод! – глядя по-крысиному, прохрипел Макс.

– Ты всё понял? – Саня пытался говорить очень спокойно, хотя выходило не слишком. – Назначаю тебя персональным ответственным за мою безопасность.

Макс резко кивнул, и Саня слишком поздно сообразил, что не согласие это вовсе, а удар. Своим лбом Снегирёв крепко засветил ему по носу, и если бы не выручила реакция, быть бы сейчас кровище. Но в последний миг Саня успел слегка откинуть голову назад, и для его носа это кончилось неприятной, но терпимой болью. Пришлось наказать Макса жёстко – коленом в пах. Не ожидавший такого коварства противник согнулся, и если бы Саня не продолжал держать его за лацканы, непременно упал бы.

– Так-так, занятные тут у нас протекают процессы, – раздалось сзади, и Саня быстро обернулся.

Пожилая физичка Евгения Борисовна, которую он с первого же дня мысленно прозвал Супермышь, в упор смотрела на него. В её взгляде не было ни гнева, ни возмущения, ни сочувствия – а только холодный интерес. Будто мышь – лабораторная, заметьте! – это как раз он, Саня. А вот в какое он угодил исследование – пока непонятно и оттого особенно жутко.

Потом Саня обнаружил, что их, оказывается, обступила толпа семибэшников. Острые, любопытствующие взгляды: кого сейчас сожрут?

– Быстро расцепились! – велела Супермышь. – Итак, Лаптев и Снегирёв. Два физических тела, решивших испытать на себе третий закон Ньютона. А зачем? Насколько я понимаю, агрессор – это именно Лаптев? Может, мне кто-нибудь объяснит причину конфликта?

– Евгения Борисовна! – проникновенным голосом сейчас же зачастил Макс. – Понимаете, этот Лаптев последнее время какой-то психованный стал. У него на русском куда-то рюкзак делся, и он с какого-то перепугу решил, что это я у него украл. Хотя все рюкзаки были в запортом классе! Кто угодно подтвердит! Потом он свой рюкзак нашёл и всё равно полез на меня. А я тут при чём? Он нервный просто, на всех кидается!

– У него, наверное, дома какие-то проблемы, – в тон брату подхватила Даша. – Вы знаете, он недавно на истории похулиганил, его папу в школу вызвали, и папа его, наверное, ремнем излупил, а это жестоко, и у Лаптева от этого крыша съехала. Евгения Борисовна,

вы скажите директору, ну или завучу там, пусть проверят, что у Лаптевых в семье делается. Может, у него родители выпивают. Или того похуже!

Саню захлестнуло горячей, белой волной бешенства. Какая змея всё-таки! А ещё снилась ведь, бедная-несчастливая прямо вся! Чтобы сдержаться, пришлось опять считать в уме, и не до пяти, а до десяти, причём в обратном порядке. Чтобы на счёте «ноль» ракета как раз не вылетела из шахты. А то хорош бы он сейчас был, набросившись с кулаками на девчонку, при учителе, при всех. Вот за такое, небось, мгновенно выперли бы из этой славной гимназии.

Хотя, может, и к лучшему? Сразу решились бы все проблемы – бойкот семибэшников, Даша, Жаба... Ушёл бы он в какую-нибудь другую школу, попроще, а тут бы всё осталось как было. По-прежнему рисовали бы на доске жабу, по-прежнему устраивали бы когда мелкие, а когда и крупные подлянки, а она бы всё терпела, терпела, входила бы каждый день в класс как в клетку, а в один прекрасный, вернее, несчастный день терпение бы кончилось, и она распахнула бы окно, шагнула бы туда...

– Вот что, седьмой «б», – сухо изрекла физичка. – Взяли вещи и тихо, цивилизованно зашли в класс. До звонка одна минута.

Окружающая их толпа семибэшников распалась, все похватили свои рюкзаки и построились у двери.

В кабинете, когда все уселись, Евгения Борисовна заявила:

– Лаптев, поскольку я наблюдаю тебя в такой роли впервые, то попробую дать шанс, не стану сообщать классному руководителю о случившемся. Разбираться, кто из вас со Снегирёвым прав, а кто виноват, у меня нет ни времени, ни желания, но одно могу сказать совершенно точно: кулаками никто никогда никому ничего не сумел доказать. Подтверждается всей историей человечества.

Саня мог бы ей возразить, что в Пензе-то получилось, но, разумеется, промолчал. Чем дальше, тем яснее ему было, что Москва – не Пенза, а седьмой класс – не третий. Да и Макс, хоть и сволочь, но явно не трус, и битьём морды его не остановить. Ну или придётся бить так, чтобы его увезли в реанимацию. А самого Саню – в тюрьму. Ага, весёленький вариант.

7.

– Саня, а почему днём на солнце нельзя смотреть, а вечером можно? – строго спросил Мишка.

Саня вздохнул. Как же он ненавидел эти вопросики! Пока мучительно ломаешь голову, как бы объяснить мелкому, чтобы понял, тот уже готовит новый. А не отвертись. Дома ещё можно строго прикрикнуть на него, чтобы не мешал делать уроки (сидение за компьютером Мишка пока тоже признавал за уроки), но вот в эти двадцать минут, которые занимает дорога от дача до дома, братец грузил его по полной программе. Почему у листьев нет крыльев, а они летают? Почему часы идут, когда они висят на стенке? Почему девочки писают не так, как мальчики?

И ведь требовал подробного ответа! Если скажешь ему: потому что так устроен мир, он сейчас же спросит: а кто его, то есть мир, так устроил? И зачем? И не может ли этот самый кто-то устроить мир по-другому? Например, чтобы малина росла и зимой, а летом чтобы можно было и жариться на солнце, и кататься на санках. А ещё лучше – чтобы летать. У Карлсона ведь есть моторчик, а чем он, Миша, хуже?

– Потому что так устроена атмосфера, – пробурчал Саня. Не признаваться же мелкому, что и сам не очень-то знаешь ответ на этот дурацкий вопрос. Вроде что-то такое на географии было... или вообще в четвёртом классе на «окружающем мире». Вроде бы когда солнце в зените, то оно ближе и потому ярче, а когда у горизонта, то дальше... нет, отставить, бред! Ведь расстояние от Земли до Солнца всегда одно и то же. Или не в расстоянии дело, а в свойствах воздуха, сквозь который проходят солнечные лучи? Днём воздух не такой, как вечером? Кислороду, что ли, в нём становится меньше? Или больше?

– А почему атмосфера так устроена? А что такое «атмосфера»? – получил он в ответ.

Саня вздохнул и промолчал. Как же задолбали его эти вопросы! Ладно бы только Мишкины... Он вспомнил, сколько было сегодня других, на тему лаптя. Сперва у Истерички на истории. Затем на английском Балабанова поинтересовалась у Марии Михайловны, как по-английски будет лапоть. Но омерзительнее всего вышло на последнем уроке, на географии. Там отличилась Ирка Бояринова. Спросила она не больше не меньше, чем про море Лаптевых: мол, когда они это море будут изучать, и водятся ли в этом море какие-нибудь животные-мутанты?

Класс, естественно, хихикал, Саня злился, а ничего не оставалось делать, как терпеть. Возмутишься – будешь выглядеть идиотом, промолчишь – тоже как бы идиот, но всё же не настолько. Жаба, посоветовав ему не рыпаться, наверняка знала, что говорила. Убедилась на своей шкурке. На жабьей шкурке, которую в сказке Иван-Царевич спалил на костре и получил за это увлекательный квест к Кощею Бессмертному.

– Саня, а почему? – не отставал Мишка, но очень скоро Сане стало не до вопросов мелкого. Потому что в спину прилетело хоровое «Ла-поть! Ла-поть!»

Он резко обернулся. На другой стороне улицы стояло четверо. Мелкий Муравьёв, толстый Князев, долговязый Бутрин, а четвёртого, невысокого, узнать было невозможно – вязаная шапка натянута чуть ли не до бровей. Одноклассники держались в отдалении, но так, чтобы голоса их достигали Саниных ушей.

– Саня, а это кто? – сейчас же поинтересовался Мишка.

– Это мутанты, они из зоопарка сбежали, – наскоро придумал он. – За ними уже выехали охотники!

– А почему они на людей похожи? – вопрос был вполне логичный.

– Они хорошо умеют притворяться, – пришлось признать очевидное.

– А в зоопарке их сырым мясом кормят, да? – допытывался Мишка. – Они поэтому сбежали? Сырое мясо же невкусное!

– Пошли, – дёрнул его за руку Саня. – Нечего на уродов смотреть. Если хочешь, я тебе даже расскажу сказку. Про царевну-лягушку.

– Про царевну-лягушку я знаю! – гордо сообщил Мишка. – Ты расскажи про царевича-лягуха!

Вот только не хватало сейчас выдумывать про лягуха! Эти четверо тащатся следом, орут про лапоть, и, похоже, собираются сопроводить их с братцем прямо до подъезда. Прохожие – уж казалось бы, этим вообще ни до чего дела нет! – и то оборачиваются, интересуются, кто это у нас тут лапоть? И совершенно непонятно, что делать. Бежать за ними морды бить? А Мишку одного, что ли, оставить? Да и ещё вопрос, как получилось бы драться сразу с четырьмя.

А одноклассники совсем уж оборзели! Мало им показалось издевательств, они постепенно стали сокращать расстояние, потом быстренько перебежали через дорогу, и вот – пожалуйста! Первый комок грязи смачно влипился Сане ровно между лопаток. Прицельно метнули, шагов примерно с сорока – на глаз оценил он.

– Ла-поть! Ла-поть! – доносилось сзади. Больше всего ему хотелось схватить Мишку в охапку и на всей возможной скорости мчаться домой.

Насколько легче было в Пензе! Там всё происходило на ближних дистанциях, а главное – приходилось думать только за себя.

Второй комок попал пониже спины, и это было зверски обидно.

– А что они делают, эти мутанты? – дёрнул его за рукав Мишка.

– Это у них игра такая дурацкая, – буркнул Саня. – Никогда в такие не играй, понял?

Но это оказалось уже не игрой. Следующий комок врезался Мишке в затылок, прямо под край вязаной шапки. Само собой, мелкий заревел как вертолёт на старте.

– Хулиганство! – хором вскричали две проходившие мимо старушки, похожие на сморщенные грибы-дождевики.

И вот тут Саню перемякнуло. Вместо того, чтобы прыгать над братцем и утешать, он коротко ему бросил:

– Стой здесь, никуда не отходи!

И на третьей космической скорости рванул в сторону оборзевших семибэшников, которые подобрались уже совсем близко. Белое пламя ярости жгло мозги, сердце бешено колотилось о рёбра, и попадись ему сейчас в руки одноклассники – порвал бы на мелкие кусочки, словно старую газету.

Но руками не пришлось. Враги рванули от него с меньшей скоростью – как тараканы, когда приходишь ночью на кухню попить воды и включаешь свет (полгода в Краснодаре им пришлось пожить в такой квартирке, пока не перебрались в другую, получше).

А дальше одновременно случилось сразу много всякого. Толстый Князев рванулся на другую сторону улицы, бешено взвизгнули тормоза, запищали гудки, и Саня, продолжая погоню, увидел невероятное. Ему даже показалось, что время замедлилось – как бывает в кино, когда идут спецэффекты. Здоровенный чёрный джип почти уже накатил на зелёную фигурку Витьки, расстояния для экстренного торможения стопроцентно не хватало, и по всем законам физики ему полагалось сейчас превратиться в блин. Вместо этого Князев взмыл в воздух свечкой – будто нырял с вышки в бассейне, только не вниз, а вверх – и, описав высокую дугу, со всей дури шлёпнулся задом на тротуар. Завопил погромче Мишки – и чесанул куда-то между домами.

В этот же момент Саня настиг самого медленного одноклассника – того, неопознанного, в чёрной вязаной шапке, и от всей души влил ему ногой под зад. Неопознанный пролетел метра полтора и впилился головой в невысокий решётчатый заборчик, ограждаю-

щий тротуар от проезжей части. Заорал от боли, шапка с него слетела – и неопознанный оказался опознанным. Сидя прямо на мокром асфальте, прислонясь к заборчику, навзрыд плакал Петька Репейников.

Куда делись остальные двое, Саня не отследил. Не до того было – бежал к нему зарёванный Мишка, заливался слезами травмированный Петька, сигналили машины, оборачивались прохожие, и кто-то из них вот-вот мог вмешаться.

Решение пришлось принимать мгновенно. Саня одной рукой схватил Мишкину ладошку, другой резко дёрнул Репейникова – будто с корнями вырывал сорняк, и потащил обоих с тротуара, в маленький скверик перед длиннющим домом.

И ещё ему показалось – наверное, всё-таки показалось, полной уверенности не было – что на другой стороне улицы, в арке между двумя жёлтыми кирпичными домами, маячила не кто иная, как Жаба собственной персоной. Лягушкина то есть.

– Саня, это мутант, да? Который из зоопарка? – Мишка навёл палец на продолжавшего реветь одноклассника. – А почему когда мы в зоопарк ходили, то мутантов не видели? Тигра видели, льва видели, белого медведя видели, волосатого быка видели, обезьянов видели, а мутантов не видели? Они в домике спали, да?

– Тебе мама сколько раз говорила, что показывать пальцем неприлично? – прервал его поток Саня. – Показывать надо рукой. И вообще, это не мутант, это я пошутил. Это просто урод, и зовут его Петя.

Урод Петя меж тем слегка утих, в голос уже не рыдал, а просто всхлипывал и подвывал. Он прислонился к стволу тополя и с тоской смотрел на братьев Лаптевых.

– Сильно ушибся? – спросил Саня. – Домой-то сам дойдёшь?

– Да ничего, не очень сильно, – успокоившись, сообщил Петька, – дойду, конечно.

– А чего тогда так ревел?

Этот невинный вопрос вызвал у Репейникова новую серию слёз, к счастью, на сей раз не такую долгую.

– Думаешь, я хотел с ними? – шмыгая носом, ответил он. – Я вообще с тобой дружить хотел, ты классный! Но они сказали, что кто не с нами, тот против нас, и его тоже будут чмырить, ну как Жабу. И как тебя... – помолчав, добавил он. – А мне нельзя так.

– Они – это Снегири? – на всякий случай уточнил Саня.

– Ага! – кивнул Петька. – Они давно весь класс держат, ты новенький просто, не знаешь... Против них рыпаться бесполезно, они хитрые, всё так придумают, что в дерьме будешь и не отмоешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.